

Лариса
ПЕТРОВИЧЕВА

Моя прекрасная
ПОВАРИХА

Лариса Петровичева

Моя прекрасная повариха

«Автор»

2023

Петровичева Л.

Моя прекрасная повариха / Л. Петровичева — «Автор», 2023

Хорошо жилось на свете гному Фьярви, хозяину маленькой гостиницы, пока у него не уволилась повариха. Пришлось нанимать эльфийку Азору на гномью кухню - не страдать же гостям? А за Азорой пошли приключения, опасности, восхитительные блюда и любовь, куда же без нее. Любите вкусно покушать? Тогда вам сюда! Подписывайтесь на автора, чтобы ничего не пропустить. В тексте есть: #бытовое фэнтези #детки-бандиты #легкий юмор #множество вкусных рецептов

© Петровичева Л., 2023

© Автор, 2023

Лариса Петровичева

Моя прекрасная повариха

Глава 1

Фьярви

Все портила зеленка – жидкость, которой мажут эльфийских детей при ветряной лихорадке. Без россыпи ее пятен на лице и руках маленькая девочка была бы похожа на куклу в розовом платье.

– Не буду! – заявила она, готовясь разреваться. Завитые золотые локоны задрожали. – Не буду я с вами играть!

Но Дархановых пацанов так просто не возьмешь. Если Нар и Очир решали, что им что-то нужно, то от них было не отбиться. Вот и сейчас они крутились возле входа в гостиницу и искали, где бы еще напроказить. Как правило, все их игры заканчивал отцовский ремень.

– Ну как не будешь? – деловито произнес Нар. Его круглолицая физиономия так и лучилась энергичным нетерпением. – Мы хотим играть в Алтын-Баатора, Золотого богатыря. А ты будешь прекрасная орчиная принцесса Гарухта.

– Ты совсем зеленая! – добавил Очир. – Ты орчиха уже!

Девчушка разревелась от обиды и прижалась к маме. Эльфийка была высоченная, тонкая, как веточка, и такая рыжая, что глаза начинали болеть. Одежда была, конечно, не эльфийская. Никаких дорогих тканей, золотого шитья, самоцветов, светлее блеска звезд. Простая синяя рубашка, темные штаны, аккуратные туфли, выдавшие лучшие времена.

Бедствуют. Ни один эльф не придет искать работу у гнома, если не дошел до крайней нищеты.

– Ну ладно тебе, пошли играть! – не отставал Нар. – Поиграем и пойдем накопаям червяков для ежа. Тут знаешь, какой еж? Ух! Он крысу задавил, я сам видел.

Но девочку еж не впечатлил. Я подошел, стараясь придать себе спокойный и деловой вид, и осведомился:

– Вы ко мне?

Эльфийка окинула меня хмурым оценивающим взглядом. Да, она в нищете. Это видно по осунувшемуся лицу и проступающим венам на натруженных руках.

– Если вы Фьярви Эрикссон, то к вам, – ответила она и вынула из кармана штанов сложенный вчетверо листок объявления. – Вам нужна повариха?

Из проулка вышел Дархан, отряхивая руки: сразу ясно, исправлял какую-то утреннюю каверзу своих ребят. Он увидел эльфийку, и у него сразу же сделался глуповатый вид. Даже зеленая кожа слегка просветлела.

– А ну! – привычно прикрикнул он, и мальчишки сделали шаг в сторону. – Ухи оборву!

Про обрывание ух он говорил каждый день, по вечерам воплощал в жизнь, но я не видел, чтобы из этого был особенный толк. Эльфийка посмотрела так, что Дархан замер и заулыбался, словно его ясное солнышко согрело.

– Да, я Фьярви Эрикссон, – ответил я. – Да, повариха нужна, Пекка сегодня работает последний день. Умеете готовить?

Красивое лицо, словно выточенное из слоновой кости, едва заметно дрогнуло. Кажется, эльфийка натерпелась и навидалась всякого. Мне даже стало жаль ее, но я быстро убрал жалость подальше.

Ее народ не жалел гномов, когда изгонял из Благословенного края. Вот пусть теперь сами справляются с подземной гнилью и тварями, кушают полными ложками.

Впрочем, не стоит издеваться над теми, кому и так плохо.

– Умею, – кивнула эльфийка. – Меня зовут Азора Палевеллин, это моя дочь Глория. Я кивнул.

– Яичницу с беконом поджарить сможете? – осведомился я. Азора кивнула с прежним достоинством. Я невольно задумался, кем она была в своем мире.

– Вот и отлично. Поджарьте, я голоден. Дархан покажет, куда идти. Это ваши вещи?

В ногах Азоры лежала сумка: да, они действительно беженцы. Бежали, в чем были. Удивительно, что девочка наряжена, как кукла.

Дархан заулыбался, словно ему оказали великую честь. Неудивительно.

– Да, наши, – с достоинством кивнула эльфийка. Все-таки они обаятельные стервы, я поймал себя на том, что уголки губ начали подрагивать, разъезжаясь в улыбку.

– Несите внутрь, пока оставите в холле, – сухо добавил я. – Жду вашу яичницу.

Если вы управляете гостиницей, то у вас всегда будет уйма дел. Вскоре пришел Дархан, и несколько минут я слушал его отчет. Ночь прошла спокойно. Никто не напился, не буянил, не желал странного за счет гостиницы. Вот и слава Глубинному Червю.

– Те инженеры из Кавентона съехали в пять утра, – сообщил Дархан и со вздохом добавил: – Эльфы, шеф. Три номера. Заезд в полдень, как раз к обеду.

– Эльфы, – со вздохом кивнул я. – Три номера, чтоб их.

Как и все гномы и орки, мы с Дарханом терпеть не могли эльфов, и не потому, что они изгнали нас из Благословенного края. Когда у тебя гостиница, то ты с удовольствием примешь любых постояльцев, лишь бы они платили. Но с эльфами хлопот всегда было больше, чем толку.

Как вы думаете, почему из холла убрали рояль? Потому что некоторые дивно время провели. Их, конечно, оштрафовали, полиция помогла внести их в черный список по всему региону, но это было слабое утешение.

А еще они притаскивали с собой шлюх по вечерам. Настолько уродливых, что я всегда этому поражался. Дархан считал, что после деликатесов всегда тянет на соленый огурец, маринованный чеснок или лапшу быстрого приготовления – поэтому красавцы в шелках и бархате тратят деньги на страшилищ.

– Я уже позвонил в полицию на всякий случай, – сообщил Дархан. – Шеф Гемини сказал, что приедет и примет их в лучшем виде.

В дверь постучали. Дархан открыл – вошла Азора с подносом, аккуратно поставила на стол и встала чуть в стороне.

Запах... запах был таким, что волосы начинали шевелиться, а все тело замирало в предчувствии чуда. Я и подумать не мог, что простая яичница с беконом может так пахнуть: тепло, ярко, с легкой ноткой дыма и пряностей, так, что рот наполняется слюной. Из ломтиков бекона было сооружено что-то вроде корзиночки, и два оранжевых глазка яичницы красовались в ней, подмигивая кусочками помидора, мелко порезанного репчатого лука и зеленого перца.

– Приятного аппетита, – сказала Азора, и я взялся за вилку.

Вкусно? Нет, слишком блеклое слово. Когда я умру, и боги встретят меня на Мировом древе, то там будет как раз такая яичница. Это был какой-то невероятный гастрономический восторг, торжество вкуса – я сам не заметил, как опустошил тарелку.

Но надо было выглядеть спокойным. Надо было не показывать, что у меня душа поет и пляшет от радости.

– Это просто праздник, а не завтрак, – снисходительно одобрил я. Не хватало еще, чтобы эльфийка стала задаваться и задирать нос с первого дня.

– Я принята? – спросила Азора. Дархан посмотрел так, словно хотел падать на колени и умолять: прими, прими ее на работу, дай ей стол и кров!

– Приняты, – ответил я. – Где живете?

Азора нахмурилась, словно я наступил на большую мозоль.

– Можно сказать, что нигде. Благотворительный приют святой Марфы для иномирян. Ну да, ну да. Плавали, знаем. Там крысы ходят, как у себя дома.

– У меня есть свободная комната на третьем этаже, – ответил я, и Дархан просиял. Эта комната была прямо напротив той, которую он занимал с мальчишками. – Сходите устройтесь, и добро пожаловать на кухню.

Азора вздохнула с облегчением, и ее гордое лицо на мгновение сделалось настолько нежным и беспомощным, что у меня сжалось сердце.

– Я выпишу вам аванс, – сказал я, открыв чековую книжку. – Что ж, с сегодняшнего дня вы официально работаете в гостинице «Вилка и единорог». Поздравляю!

Азора

– Так как, говоришь, тебя зовут?

Пекка была гномкой – настолько толстой, что я удивилась тому, как легко и быстро она передвигалась по кухне. Толстые каштановые косы лежали на спине спящими змеями, традиционный клетчатый фартук мог бы спокойно служить скатертью. Пока я готовила яичницу для Фьярви, она не отрывала от меня глаз, с важным видом сложив руки на могучей груди.

– Азора, – представилась я. Конечно, это было ненастоящее имя. Настоящее умерло вместе со мной в Благословенном краю, и я не хотела, чтобы оно воскресло.

Незачем. Это никому не принесет добра. Мы с Глорией потратили слишком много времени и сил, чтобы спрятать прошлое в прошлом.

– Руки покажи, – потребовала гномка. Я послушно показала – она помяла мои ладони и заявила:

– Готовься. Скоро потеряют чувствительность, плиты и сковороды тут горячие. В общем, смотри. В гостинице десять номеров, не больше тридцати постояльцев, завтрак, обед и ужин по часам, но всегда есть те, кому хочется набить пузо в любое время суток. Завтрак! – мы прошли к сверкающим металлическим столам, и я увидела домовых, которые старательно нарезали овощи. Ножи так и сверкали в их лапках. – Подается в восемь, в шесть утра ты уже здесь. В шесть приезжают поставщики, ты принимаешь товар, проверяешь... и смотри, Леклер любит пакостить! Иногда кладет мясо с душиком. На завтрак каша и яйца, тосты и ветчина, иногда кто-то просит чего-нибудь посытнее, тогда можно сделать сэндвичи. Это быстро, заготовки всегда есть.

Пекка с теплом посмотрела на домовых, которые старательно орудовали ножами – делали заготовки для обеда. Мне показалось, что ей не хочется отсюда уходить.

– Почему увольняетесь? – спросила я. Если здесь есть подводные камни, то лучше узнать об этом сразу. Возможно, этот Фьярви, который смотрел на меня с таким снисходительным презрением, имеет какие-нибудь скверные начальственные привычки.

Я понимала, что мне, возможно, придется отбиваться. Был опыт, увы.

– Уезжаю к куме, – ответила Пекка, всем видом давая понять, что это не мое дело. – После завтрака домовые моют посуду, а ты начинаешь готовиться к обеду. Суп, закуски и салаты, второе, напитки... – она указала на хрустальные емкости с кранами, в которые уже заложили нарезанные фрукты и залили ледяной водой. – Домовые все нарезают, а твоя задача, в общем-то, смешивать готовые блюда. Ты, конечно, изменишь меню под себя, но вот что запомни: – гномка обернулась ко мне и подняла руку с вытянутым указательным пальцем. – Это не Благословенный край, народ тут простой и без выдумки. Им бы побольше да посытнее. Конечно, совсем уж хрючево подавать не стоит, все-таки марку надо держать. Но не убивайся, поняла? Этого никто не оценит.

Я кивнула. Пекка вздохнула и продолжала:

– Я, конечно, понимаю, ты сегодня хотела понравиться Фьярви. Показать себя с лучшей стороны. Но! Если ты каждое утро будешь вот так делать лодки из бекона, то тебя надолго

не хватит, можешь мне поверить. Не убивайся. Вареные яйца без затей, гости наелись, вот и ладненько.

Я снова кивнула. Пекка уезжает к куме – что мне с ней спорить? Мое дело сейчас было очень простым: молчать, кивать и хвататься за работу обеими руками. Осенью Глория пойдет в школу – до осени нам нужно окончательно освоиться, закрепиться и заработать хоть какие-то деньги.

А здесь есть и стол, и квартира. Так что мне повезло. Мне очень повезло.

– На обед к нам всегда приходит Орочья Десятка, – продолжала Пекка. – Не естся им в своей казарме, тащатся сюда. Но они мужики неплохие, чистые все, аккуратные. Для них не забудь запеченную морковь и грибы с чесноком и укропом. В меню не входит, но они очень уважают это и ценят.

– Просто знак внимания? – уточнила я. Пекка вздохнула.

– Сразу видно, что раньше ты жила в другом месте, – ответила она. – И в другом сословии. Офицеры из Орочьей Десятки – это те, с кем надо дружить. Я не должна класть им морковь, но орки ее любят. А мне за это хорошие чаевые – раз! Вот было дело, повадился сюда один банковский ходить да хамить, так ему орки быстро рассказали, что такое вежливость. Это два. Случись что, где лично тебе нужны мужские руки, починить там что или перетащить – выйдешь и спросишь: господа офицеры, кто поможет барышне? Это три. Мало ли, кому понадобится бока намать? Это четыре.

– Понятно, – кивнула я. – Морковь и грибы с чесноком и укропом.

Насколько я успела узнать вкусы орков по короткой приютской жизни, они обожали баклажаны с чесноком. Похоже, надо будет внести кое-какие изменения в меню.

Эленвер не искал меня – он искренне обрадовался, когда мы с Глорией сбежали из его дома, в чем были. Но никогда нельзя быть уверенным в том, что твое прошлое о тебе не вспомнит.

И на этот случай мне нужны были друзья. А если эти друзья будут военными – еще лучше.

– Что на обед сегодня? – спросила я. Пекка улыбнулась, развязала и сняла фартук и протянула мне.

– То, что ты приготовишь. А у меня поезд через полчаса.

Фьярви

– Это всего лишь кукла, Дархан, – сказал я. Господин Иканори только что оплатил номер на неделю и, катя за собой огромный чемодан на колесиках, двинулся в сторону лестницы. – Он ее всегда с собой возит. Надувает в номере, ну там потом...

Я замаялся. Казалось бы, работая в гостинице, ты сможешь посмотреть на всякое – но не о всяком захочешь говорить вслух.

– У каждого свои причуды, в конце концов, – закончил я. – И не нам их обсуждать. Может, он просто очень одинок. А как он там забавляется – не наше с тобой дело.

Дархан скорчил презрительную гримасу и плюнул.

– Мерзость какая, тьфу!

Я не сдержал усмешки.

– Зато тихо. Ни шума, ни криков, ни поножовщины. Ни дерьма в рояль, прости Небо. И тройные чаевые, а? Неплохо, на мой взгляд.

Через четверть часа в холл влетела разноцветная стайка местных девиц с пониженной социальной ответственностью: шлюшки расселись на диванах, сверкая отсутствием нижнего белья под короткими юбчонками. Следом вплыл трехпалубный корабль – госпожа Бьянка, хозяйка заведения с зелеными фонариками на Лесной улице. Гостиница была хлебным местом для работниц постельного труда, и я давным-давно заключил с Бьянкой договоренность: ее девки работают у меня, она за это щедро платит, а я не пускаю сюда их конкуренток. Ален,

тощий и рыжий бармен, отправился открывать бутылки с вином – девицы госпожи Бьянки всегда сметали весь бар в ожидании клиентов.

– Мой дорогой Фьярви! – пророкотала она. Я поцеловал ей руку, и Бьянка кокетливо стрельнула заплывшими жиром глазками: выглядело устрашающе. Свернутые в рулет купюры, которые она вложила в мою ладонь, понравились мне намного больше.

– Эльфы, – сообщил я. – Три номера, шесть гостей. Правила повторишь?

Бьянка кивнула и, обернувшись к девицам, рыкнула:

– Так, тихо! Это порядочное место!

Девки тотчас же натянули юбки пониже и сели так, словно хотели походить на студентов во время лекции.

– Не визжать. Не драться. Не гадить. За собой смывать! – голос Бьянки был похож на рык медведицы, разбуженной в берлоге. – Если из-за одной из вас господин Фьярви откажет нам от гостиницы, задущу нахрен! Поняли?

– Поняли, госпожа Бьянка! – пропел тоненький хор, и девицы потянулись к бару за вином.

Через час приехали эльфы: как всегда, очень дорого одетые и с таким выражением на холеных физиономиях, словно им предложили отвезти навозу на лопате – сплошное презрение к малым сим. Я встретил их за стойкой портье: замещал господина Шарля, который отпросился по семейным делам. Заполняя листы регистрации, один из них вдруг дернул носом и спросил:

– Даравинская горчица? И авокадо?

– Что, простите? – не понял я. Презрение на лице эльфа сменилось некоторой снисходительностью к неграмотному.

– Кажется, у вас стали прилично готовить, – произнес он. – Когда обед?

– Ровно в два часа, – ответил я и, когда эльфы отправились по номерам, тоже позволил себе принохаться.

Со стороны кухни действительно пахло впечатляюще: легко, свежо, пикантно. Запах навевал самые приятные мысли – я невольно задумался о том, как хорошо сейчас отправиться куда-нибудь на свежий воздух, на пикник, взяв с собой корзинку с поджаренным хлебом, курицей и помидорами... Я так замечтался, что не сразу услышал негромкое:

– Извините, пожалуйста, господин Фьярви...

Это была Глория, дочь эльфийки. Она уже успела переодеться в белоснежную рубашку и аккуратные брючки и выглядела так, словно сошла со страниц модного журнала. Я невольно подумал с уважением об Азоре, которая, живя в приюте святой Марфы для иномирян и крыс, так заботилась о девочке.

– Да, слушаю, – спросил я и протянул ей одну из конфет на стойке. Всегда надо держать конфеты, вдруг приедут гости с детьми. Глория приняла угощение с достоинством, но без эльфийской чопорности, уважительно кивнула и спросила:

– У вас есть цветная бумага?

Я нырнул под стойку и вытащил несколько зеленых и розовых листков: когда-то заказывал в канцелярском магазине для особых объявлений.

– Вот, возьми. Зачем тебе?

Глория взяла листки и ответила:

– У мамы первый день на работе. Я хочу сделать для нее открытку на память.

Я даже умилился. Гномы вообще любят детей, и своих, и чужих – а тут такая замечательная, славная девчушка.

Где ее отец, интересно?

– У меня еще были цветные чернила и кисти, – я снова полез под стойку и достал ящичек с карандашами, чернилами и перьями. – Бери, пригодится. А давно вы с мамой из Благословенного края?

Глория нахмурилась.

– Не очень. Но мама не любит об этом говорить. Она всегда плачет, когда вспоминает, как мы убежали от папы.

От папы убежали. Вот, значит, как. В принципе, предсказуемо. Это гномы двумя руками держатся за дом и семью. Эльфы слишком эгоистичны, чтобы ценить такие простые вещи.

– Он что, обижал вас? – спросил я. Глория опустила голову и шмыгнула носом; мне почудилось, что в гостинице стало как-то темнее.

– Не бойся, – ободряюще произнес я. – Теперь вы с мамой у друзей, вас тут никто не обидит. Если что, сразу говори мне, поняла? Я во всем вам помогу.

Лицо девочки просветлело. Она отдала мне поклон, взяла бумагу и ящичек и ответила:

– Спасибо, господин Фьярви. Вы хороший!

– Беги, золотко, рисуй свою открытку, – сказал я, и Глория направилась к лестнице. Вернулся Дархан, который провожал эльфов, и сообщил:

– Все, гостей отвел, предупредил, как тут надо себя вести. Вроде поняли правильно, – он втянул носом воздух и вдруг воскликнул: – Баклажаны! Будь я проклят, если это не запеченные баклажаны!

Орки обожают баклажаны – душу за них продадут.

– Ладно, я к себе, – сказал я. Надо было поработать с документами. – Смотри, язык тут не проглоти!

Дархан сверкнул клыками, расплывшись в улыбке.

– Кажется, нас ждет такой обед, какого белый свет не видывал! – мечтательно промолвил он.

Азора

Обед я приготовила по заветам Пекки: просто, быстро и набить живот. На первое – легкий суп с картофелем, рисом и пряными травами, на второе салат с запеченными баклажанами, семгой и помидорами, куриное филе в морковном кляре с домашними макаронами с маслом и зеленью и шампиньоны с чесноком для Орочьей Десятки в качестве комплимента от повара. С десертом можно было не возиться. Кондитерская на соседней улице пекла для гостиницы неплохие медовые пирожные.

Конечно, одно дело готовить для семьи, а другое – для постояльцев гостиницы. Замешивая кляр – мелко натертая морковь, яйца, мука, соль и перец – я вспоминала, как стряпала на огромной светлой кухне в доме мужа. Эленвер сказал, что не будет жить во дворце с отцом, и купил для нас дом в пригороде – только потом я поняла, что ему не нужны были лишние свидетели.

Тогда приготовление еды было еще одним способом показать свою любовь. Берешь куриное филе, панируешь его в муке, а потом в кляре и раскладываешь в тщательно разогретое масло, такое же горячее, как твои чувства...

Я до сих пор не могла поверить, что все кончилось именно так. Если бы кто-то рассказал мне, что Эленвер, мой прекрасный принц, будет бить меня головой о стену – просто потому, что может – я бы не поверила. Я бы рассмеялась в лицо этому человеку.

Так, теперь попробовать суп и убавить огонь. Замешать соус для салата: авокадо, йогурт, даравинская горчица и самая малость лимонного сока. Быстро собрать салат: теплые маслянистые баклажаны прямо с гриля, сладкие помидоры, очищенные от кожицы, с розовым луком и зеленью, ароматная семга в слабой соли – когда-то Эленвер обожал этот салат, а я любила Эленвера и радовалась каждому дню, проведенному вместе.

Потом мы с Глорией бежали из Благословенного края в багажном отсеке почтового экипажа, и одной рукой я обнимала мою девочку, а другой зажимала рану на голове и не верила, что нам все-таки удалось спастись. Что мы все еще живы.

– Два часа, – сказала я, стараясь успокоиться и подавить волнение. – Разносите еду!

Домовые тщательно вымыли лапы и взялись за тарелки и подносы. Я приоткрыла дверь, отделявшую кухню от большой столовой – гости уже рассаживались за столы, улыбались, ловили ароматы. А вот и Орочья Десятка: я никогда не видела таких высоких и широкоплечих орков – все в форме, вошли ровным строем, и я услышала, как один из них произнес:

– Прокляни меня Небо, если это не баклажаны!

Домовые разнесли тарелки, и начался обед. Я смотрела на гостей, смущенная и испуганная, и не верила, что они это едят. И им даже нравится! Да, нравится! На мгновение я почувствовала себя маленькой девочкой – той Азорой, которая когда-то испекла свой первый пирог и принесла его родителям.

Отцу не понравилось. Нет, пирог-то он съел с удовольствием – ему пришлось не по душе сам факт того, что дочь эльфийского князя что-то готовит: ведь для этого существуют поварихи и слуги. А мама одобрила: она сказала, что нужно уметь делать все – а потом добавила, что не приведи Боги самой все делать.

Орки ели молча. Потом один из них, судя по погонам, гранд-майор, поднялся, вытер губы и, швырнув салфетку на пол, потребовал:

– Повара! Повара сюда! Прокляни меня Небо, Пекка так не готовит! Кто стряпал, выходи!

Требование гранд-майора поддержали аплодисментами. Остальные орки тоже поднялись и дружно топнули об пол. Я вытерла совершенно сухие и чистые руки, подумала, что с них станет сейчас съесть и меня, и вышла в столовую.

– Я Азора, повар, – голос куда-то делся от волнения и вместо гордого тона у меня получился тихий робкий лепет. – Пекка здесь больше не работает.

Орки шагнули ко мне дружным строем: в ту же минуту меня подхватили на руки, усадили на чье-то плечо и повезли по столовой. Я испуганно схватилась за орка, и он тотчас же утешил:

– Не бойся, краса, не уроню.

– Азоре – ура! – отрывисто приказал гранд-майор, и орки дружно грянули:

– Ура! Ура! Ура!

Остальные гости дружно зааплодировали. Я видела, что все тарелки пусты, а все лица – довольны обедом.

– Славной поварихе – ура!

– Ура! Ура! Ура! – орочьи голоса грохотали так, что я испугалась, как бы в столовой не вылетели стекла. Орки топали и хлопали, меня торжественно прокатили по столовой и, когда, наконец, опустили на пол, я чувствовала, что у меня подкашиваются ноги от волнения. Гранд-майор, чуть ли не смущаясь, пожал мне руку и произнес:

– Благодарим, госпожа Азора, за угощение. Такого и на небесах не дадут! Вон, парни от счастья вне себя, впервые едим, как порядочные, а не хрючило хлебаем, – орки дружно закивали, и гранд-майор поправился: – Ну, то есть, не хрючило, это грубое слово. Но все, что ели раньше, ни в какое сравнение с вашей стряпней не идет. В общем, мы тут не мастера разговоры разговаривать. Если чем-то пригодимся, только дайте знак. А если есть какая добавка, – и гранд-майор подмигнул, – то будем только рады.

– Мы тоже будем рады добавке! – подал голос немолодой господин в темном костюме, и все гости довольно рассмеялись.

– Добавка есть, – сказала я, невольно радуясь тому, что с непривычки не оценила объемы и приготовила всего побольше. – И морковные палочки со сладким перцем и кунжутом. Будете?

Отказавшихся не было. Я вернулась на кухню, вынула морковные палочки из печи и, сбрызнув их шафрановым маслом – его, кстати, осталось мало, надо будет заказать еще – отправила домовых разносить тарелки. Один сбегал отнес еду Фьярви, Дархану и его детям – Пекка упоминала, что они всегда обедают вместе. Второй отправился с подносом к Глории.

«Мы справимся, милая, – пообещала я, словно дочка могла меня услышать. – Мы обязательно справимся. Верь мне».

Фьярви

– Господь всемогущий, чтоб я провалился... Какая же вкуснота!

Я вполне разделял впечатление Дархана. Легкий суп был ароматным, согревающим даже не желудок, а душу, и как раз настолько сытным, чтобы осталось место для второго – я не любитель супов, но сейчас сам не заметил, как опустошил тарелку. Пацаны Дархана лопали так, что за ушами трещало, родитель от них не отставал. Салат оказался просто песней: я никогда бы не подумал, что можно соединить семгу, помидоры и баклажаны, и это будет настолько вкусно, что не сможешь думать о чем-то, кроме еды. Дархан ел, прикрыв глаза: блюдо с грибами с укропом, стоявшее перед ним, опустело за несколько мгновений.

– Мне-то не оставил! – заметил я, радуясь, что успел ухватить пару грибов в начале трапезы. Дархан словно очнулся, понял, что грибов больше нет, и почти пропел:

– Что за грибы, ел бы да ел!

– Салат попробуй, – посоветовал я, нарезая филе. Рыжая морковная шуба сделала его мягким и сочным, каждый кусочек так и таял во рту. Доев и довольно откинувшись на спинку кресла, я подумал, что это было настоящее везение: встретить Азору. Глубинный Червь послал, это точно.

– Пап, а можно девочка пойдет с нами на пруд? – спросил Нар, расправляясь с морковными палочками. Кто бы мог подумать – морковь, пустяк! – а Азора запекла ее с травами и кунжутом, и вышла этакая изящная невесомая точка в завершении обеда.

– Ты это у ее мамки спрашивай, – ответил Дархан. – Вот отнесите тарелки, поблагодарите ее, спросите, чем помочь, а потом уже про пруды думайте.

Очир почесал растрепанную голову и заявил:

– Ну как же спросить, чем помочь? А если она посуду мыть заставит?

Дархан поднял руку, и пацаны прекратили ерзать на стульях.

– И помоете! Ишь вы, оба-двое, два вот таких! Лопать любите, надо и дела делать.

– Вот все бы вам по прудам да по канавам носиться, – нравоучительно заметил я. Сытный обед внушил мне некое философское настроение. – А Глория открытку для мамы делает. Что из нее вырастет и что из вас? Два бандюгана, гроза Келлемана?

– Мы тоже умеем открытки! Но не хотим, – заявил Нар и решительно вытер нос рукавом. – Пап, а можно мы пойдем лягушек ловить? А девочку с собой возьмем, она будет принцесса Гарухта, я Алтын-Баатор, а Очир мой богатырский конь? А девочка зеленая совсем, она орчиха уже. А клычья у нее не растут, потому что она принцесса!

– Так! – решительно рыкнул Дархан. – Порубали? Вот и молодцы, тарелки в руки и бегом на кухню. Что госпожа Азора велит – все сделаете. А то у меня тоже для вас блюдо будет, кожаный ремень с перцем.

Никто из мальчишек почему-то не захотел отведать такой вкуснятины: Нар и Очир быстро подхватили подносы с посудой и побежали на кухню. Хотелось надеяться, что они донесут тарелки в целости и сохранности.

– Премию ей выпишу, – мечтательно произнес я. – Слушай, как же нам повезло-то, а? Дархан кивнул, соглашаясь.

– Может, откроем кафе не только для гостей? – предложил он. – Пусть и остальные приходят.

Я неопределенно пожал плечами. В Келлемане уже был ресторанчик, и мне меньше всего хотелось ссориться с его владельцем. Господин Морави был родственником бургомистра, и на пару они могли зажарить меня на шампуре с луком. Впрочем, можно было бы пободаться – от

кафе денег у меня было бы больше, это факт. Но я поймал себя на мысли о том, что мне не хочется с кем-то делиться таким сокровищем, как Азора.

Пусть готовит только для меня и моих гостей.

Со стороны столовой вдруг донесся грохот и шум. В ту же минуту завизжали шлюшки госпожи Бьянки, и с грохотом разбилось что-то стеклянное. Мы с Дарханом вскочили с кресел, в кабинет заглянул Очир и прокричал:

– Папа, дядя Фьярви! Бегите скорее! Там наши эльфов бьют!

«Наши эльфов бьют», – повторил я. Видимо, остроухие господа с чего-то решили сцепиться с Орочьей Десяткой. Ну, не повезло эльфам! Если кто-то попадал под руку офицерам, то ему оставалось только посочувствовать.

Навстречу нам валили постояльцы – не все, остальные толпились возле входа в столовую, глаза на битву. Снова загрохотало: кажется, о чью-то голову разбили тарелку. Послышалась забористая брань на эльфийском, и в ту же минуту из столовой вылетел один из эльфов, сбивая собой зевак. Физиономию ему кто-то знатно поправил.

Я побился к дверям, заглянул в столовую и увидел, как гранд-майор Сардан лупцевал самого стойкого эльфа. Азоры не было; кажется, она заперлась на кухне. Остальные орки аккуратно собирали поверженных врагов и складывали поленьями возле выхода.

Да, столовой требовалась уборка. Ничего: орки разгромили – орки и приберут. Еще и приплатят за неудобства – честь офицера и все такое. Я кашлянул в кулак и спросил:

– Что, прокляни вас Небо, здесь происходит?

Гранд-майор выпустил эльфа, и тот без чувств ссыпался к его ногам. Младшие по званию проворно подхватили поверженного противника и уволокли к остальным.

– Разрешите доложить, – Сардан взял свою фуражку, стряхнул невидимую пылинку и водрузил обратно на голову. – Эти, с позволения сказать, господа захотели увидеть повариху. Увидели. Стали кричать, что эльфийка на гномьей кухне – это позор всего эльфийского рода. Этого стерпеть было нельзя, сами понимаете. Никто не смеет оскорблять даму в присутствии офицера. А потом они стали бросать в нее салат. И этого стерпеть тем более было нельзя. Начистили им морды из собственных ручек, чтобы знали, как себя вести с дамами.

Да, чего-то в этом роде я и ожидал.

– Приберете? – спросил я. Сардан кивнул, и орки взялись за мебель и разбросанную посуду. Стеная и охая, эльфы поднимались с пола и ковыляли прочь, стараясь не оглядываться. Остальные гости шептались им вслед, не скрывая радости: мало того, что невоспитанные, еще и драться не умеют.

Впрочем, все были довольны зрелищем.

Я подошел к дверям на кухню, постучал и услышал едва различимый вздох. Кажется, эльфийка плакала.

– Азора, это я, Фьярви. Откройте.

Щелкнула задвижка. Я прошел на кухню и увидел Азору – она сидела у одного из столов и в самом деле плакала: тихо, беззвучно. Домовой, который открыл мне, скользнул в сторону и сочувственно вздохнул.

– Ну, ну. Будет, – я подошел к девушке, дружески приобнял за плечи. – Все хорошо. Видите, какие у вас отважные защитники! Никто не даст вас в обиду.

Азора всхлипнула. Сейчас в ней не было ни капли эльфийской ледяной гордости. Сейчас она была теплой и живой, настоящей – живой, а не статусей. Я выдернул из держателя бумажное полотенце, протянул ей; Азора промокнула слезы и негромко сказала:

– Перед вами позор всего эльфийского народа. Эльфийка, которая пошла в услужение гному.

– Какие глупости! – воскликнул я, испытывая мстительное удовольствие. Вовремя же здесь оказалась Орочья Десятка, которая дружно успела влюбиться в стряпню Азоры. Да в нее трудно было не влюбиться – она была словно луч осеннего солнца.

Я запоздало понял, что думаю не о еде, а об Азоре.

– Глупости! – решительно повторил я. – Нет ни стыда, ни позора в том, чтобы работать. И я вижу, что вам нравится готовить. Вы зарабатываете тем, что любите. Вам нечего стыдиться. Пусть стыдно будет тем наглецам, которые оскорбили вас.

Азора всхлипнула. Кивнула. Поварская шапочка сползла, выпуская рыжие локоны, и я снова подумал о луче солнца.

– Мне надо заняться ужином, – промолвила она, и минута хрупкой нежности ушла. Рядом со мной снова была эльфийка, которая с каждым мгновением все плотнее куталась в холод отстраненного равнодушия. – Уберите руки, пожалуйста.

– А, да. Простите, – я отошел от нее, понимая, что никогда еще не чувствовал себя таким дураком, и что мне это нравится. – Что на ужин?

– То, что я приготовлю, – сухо ответила Азора. Ей было невероятно стыдно за то, что она плакала, и я увидел ее слезы и боль. – Думаю, вам понравится.

Глава 2

Азора

На ужин я приготовила запеченный картофель с золотистой корочкой и зеленым луком и укропом, салат с курицей, сыром и помидорами и свинину в сливочном соусе с чесноком. Пекка говорила, что орки тут только обедают, но на всякий случай я сделала для них баклажаны на гриле с чесноком.

Все это были простые привычные действия. Нарезать мясо средними кусочками, обжарить с двух сторон, тем временем сделать соус – мелко натертый чеснок, розовые помидоры, шпинат и сливки, потом отправить все тушиться. Выложить на очередной противень нарезанный картофель, полить смесью масла, уксуса, соли и перца, поставить в духовку. Нарезать помидоры без шкурки, крошить куриную грудку, натереть сыр и соединить с белым соусом и зеленью.

Просто. Знакомо. Быстро. Я работала, стараясь не думать о том, что случилось за обедом, и старательно сдерживая слезы. Княжеская дочь, в которую бросают приготовленную ею еду. Позор своего рода, отца, матери и братьев. Повариха на гномьей кухне.

Не плакать. Я прекрасно знала, что делаю – стараюсь выжить и дать дочери самое лучшее. У меня не было никого, кроме меня и Глории.

Отец прекрасно знал, что принц Эленвер не любит держать свои руки при себе. Его фаворитки старательно запудривали синяки и объясняли переломы падениями. Но он все равно отдал меня замуж, потому что княжеская дочь, которая стала женой принца Благословенного края – это честь и счастье, это лотерейный билет, который не всякому суждено вытащить.

Помог ли он мне, когда я, уже беременная, пришла с первым синяком? Нет. Сказал, что женщина должна быть мудрой, подчиняться мужу и не доводить его до рукоприкладства. А мать кивала, поддакивала, а потом спросила: «А что ты сделала для того, чтобы он тебя не бил?»

Теперь я знала ответ. Схватила дочь и сбежала с ней в другой мир.

– Шесть часов, госпожа Азора, – домовый подкатился ко мне, и я опомнилась. Мой первый рабочий день подходил к концу, я устала, как конь на пашне, но у меня еще были дела.

– Отлично, – сказала я. – Начинайте разносить еду.

Домовые принялись за работу, я надела чистый фартук и выглянула в столовую. Орки давно убрали весь разгром, починили сломанное, и теперь ничто не напоминало о том, что здесь была драка за честь бывшей эльфийской принцессы. Домовые катили тележки с едой,

переставляли тарелки на стол, и первые гости уже начинали рассаживаться. У всех были одинаковые лица – они, казалось, предвкушали праздник.

Я вдруг поняла, что улыбаюсь. Похоже, я наконец-то оказалась на своем месте. Пусть это было место поварихи в провинциальной гостинице, но кто сказал, что оно плохое? Я готовлю вкусную еду, я кормлю людей, и это мой способ отблагодарить мир за то, что мы с Глорией живы, и дела налаживаются.

Стоило мне подумать о дочери, как в столовую вошла целая процессия – немолодой смуглолицый господин в дорогом костюме и с тяжелым золотым зажимом для галстука, молодая женщина в темно-зеленом платье, Фьярви Эрикссон и моя дочь. Глория всхлипывала, и стоило мне взглянуть в ее лицо, как я поняла: все началось снова.

В Глории ожило проклятие крови – то самое, за которое принц Эленвер когда-то бил меня малахитовой пепельницей. Кого еще карать за это, кроме матери?

Я выбежала из кухни, и Глория тотчас же бросилась ко мне на шею, обливаясь слезами. Я прижала дочь к себе, повторяя, что все хорошо, что я никому не дам ее в обиду, и мой халат был мокрым от ее слез. Смуглолицый господин негромко кашлянул и спросил:

– Госпожа Азора, можем ли мы поговорить наедине?

– Он плакал, – едва слышно прошептала Глория. – Mamочка, мне стало так жаль его... Mamочка, прости, оно само...

– Все в порядке, детка, – твердо и уверенно сказала я. Если нужно, пусть наказывают меня, пусть проклинают и выгоняют, но Глория от этого страдать не будет. Женщина в темно-зеленом платье присела за стол, ласково улыбнувшись смуглолицему, и мы вышли в холл.

Фьярви выглядел озадаченным, и я его понимала.

Я опустилась на диван, пересадил Глорию рядом и спросила, стараясь выглядеть невозмутимо:

– Что произошло?

– Меня зовут Ашима Иканори, – с достоинством представился смуглолицый. – Я веду дела моего банка в этом регионе и часто останавливаюсь в «Вилке и единороге». Моя, скажем так, спутница... – он замялся, и я поняла: господину Ашиму Иканори никогда не приходилось сталкиваться с тем, что произошло.

Магия живого и неживого. Я видела ее светлые лепестки над ним и его подругой.

– Она кукла, – сказала я. Иканори кивнул. Фьярви провел ладонью по лицу, словно хотел стереть паутинку.

– Верно, госпожа Азора. Она была куклой... видите ли, я очень одинок, и... – Иканори замялся: ему еще не приходилось кого-то посвящать в свои постельные предпочтения.

– Моя дочь ее оживила, – ответила я, чувствуя, как немеют губы. Глория кивнула и опустила голову, уткнувшись подбородком в грудь. На волосах я заметила капельки краски: Глория рисовала и в задумчивости почесала голову кончиком кисти.

– Да, – с облегчением кивнул Иканори и, сунув руку во внутренний карман сюртука, вынул чековую книжку. – Словами не передать, что это для меня значит. Я одинок, я всю жизнь живу один, но теперь Имари... Она живая, она меня любит.

Глория всхлипнула. Если бы рядом был ее отец, то он сейчас избивал бы нас обоих и проклинал меня за то, что я изгадила королевскую кровь, породив дрянную магичку.

Принц Эленвер не искал нас именно поэтому. Он, должно быть, вздохнул с облегчением, когда понял, что дочь, которая оживила кота, сбитого экипажем, больше не будет его срамить.

– Рада за вас, – сказала я, не зная, в общем-то, что тут еще можно сказать. Мне сделалось очень неловко – Глория тоже чувствовала неудобство. Сейчас ее хвалили за то, за что когда-то колотили.

– Я искренне благодарен вашей дочери, – с неподдельным теплом произнес Иканори и размашисто заполнил строчки чека золотистым карандашом. – Вот моя благодарность. Если

вам потребуется хоть что-то хоть когда-то – буду счастлив вам помочь. Теперь я ваш друг и должник.

Я приняла чек – посмотрела на сумму и постаралась не закричать от удивления и радости. На эти деньги можно было бы купить квартиру и открыть свое заведение: я бы стряпала, Глория спокойно пошла бы в школу...

В ушах зашумело, словно я в несколько глотков осушила большой бокал вина.

– И я ваш друг, господин Иканори, – ответила я. – И как друг советую: идите ужинать, пока мясо не остыло. Сегодня оно удалось.

Когда Иканори ушел в столовую, Фьярви поднялся с дивана и сказал:

– Вы меня удивили, Азора. Честно.

Я позволила себе улыбнуться краем рта. Вспомнила, как он обнял меня, утешая – да, кажется, теперь у нас действительно есть друзья.

– Зайдите в мой кабинет после ужина. Надо поговорить.

– Вы ведь не будете ругать маму, господин Фьярви? – Глория встрепенулась, как птичка в ловчей сетке, и гном посмотрел на нее с искренним теплом.

– Не буду, золотко, – пообещал он. – Иди кушать.

Фьярви

Гости остались довольны. Еще бы они не были довольны – я готов был поставить голову против ночного горшка, что такого мяса и такого салата не пробовал никто от Туманного моря до Буранных гор. Сам не заметил, как тарелка опустела.

Азора зашла в мой кабинет ровно в восемь: она успела переодеться, и я в очередной раз за сегодняшний день подумал, что мне очень повезло. Не ввести ли такую штуку, как гастрономический туризм? В «Вилку и единорога» будут приезжать те, кому захочется отведать самых лучших блюд на свете...

– Вы прекрасно готовите, Азора, – признался я. Она кивнула, опустилась на стул – эльфийка выглядела уставшей. Неудивительно, эльфы не привыкли к трудной работе. Они не поднимают ничего тяжелее пера, которым подписывают документы.

– Благодарю вас, – ответила Азора. От нее повеяло холодом, словно она хотела сказать: не лезь ко мне, гном. Я и не собирался, то есть...

Кажется, я начинал смущаться. А я не любил смущаться. Дурное качество для хозяина гостиницы.

– Так почему вы покинули Благословенный край? – спросил я. Интересно, будет ли она сейчас врать мне?

Губы Азоры сжались в нить, словно она боролась с желанием послать меня туда, куда не заглядывает солнце. Кажется, даже медь ее волос сделалась темнее.

– Я сбежала с дочерью от мужа, – коротко ответила она. – Он избивал нас... за то, что Глория родилась с этим даром. Магия живого и неживого это позор для любого эльфа... в особенности, для принца.

Вот как! Я понимал, что моя прекрасная повариха не так проста, но даже подумать не мог, что она принцесса.

– Думаю, поэтому он вас не ищет, – предположил я. Азора кивнула.

– Поэтому.

Нет, она все-таки невероятная гордячка. Холодная, гордая и очень несчастная.

– Иканори щедро отблагодарил вас, – сказал я. Представляю, как он удивился, когда его кукла для постельных утех вдруг ожила! Да я и сам едва не упал со стула, увидев Иканори, выходящим с женщиной – сначала даже принял ее за одну из девок госпожи Бьянки. А потом в холл выбежала Глория, заливаясь слезами, и бросилась ко мне так, словно я был единственным, способным ее защитить.

– Да, – Азора вновь качнула головой.

– Что планируете делать с деньгами? – спросил я, понимая, что сейчас она может гневно осадить меня: «Не ваше это дело, господин Эрикссон!» Азора пожала плечами.

– Положу в банк. Пусть пойдут на учебу и приданое для Глории.

– Разумно, – согласился я и спросил без перехода: – Как вам первый день на рабочем месте?

Азора вежливо улыбнулась.

– Не буду врать, что он был легким и приятным. Но я справилась и планирую справляться и дальше.

– Я рад, что вы здесь, – признался я и запоздало подумал, что она может решить, будто бы я подбиваю к ней клинья. – Такой повар, как вы – это огромная удача.

Азора собралась было ответить – но в коридоре послышался такой топот, словно там бежало стадо налборогов, и она сдавленно вскрикнула, как раненое животное, и поднялась со стула.

Удар! Кажется, кого-то отоварили по физиономии.

– Сидите здесь, вас никто не тронет, – отрывисто приказал я и, обогнув стол, вышел в коридор: как раз, чтобы увидеть, как несколько здоровяков в черной форме агентства малой безопасности облепили Дархана, словно муравьи кусок сахара. Девушки госпожи Бьянки, которые изображали отдыхающих возле бара, завизжали так, словно их пытались заставить работать бесплатно. Немногочисленные гости старательно пробовали притвориться мебелью и предметами интерьера.

– Господин Фьярви! Да что творится-то! – воскликнул Дархан, пытаясь стряхнуть нападавших.

Я шагнул было к нему, и меня тотчас же придержали под белые рученьки. Обернувшись, я наткнулся взглядом на физиономию, которая могла бы быть у ожившей репы, и услышал:

– На пол! Работает АМБ!

Кивнув Дархану, я послушно лег на ковер – орк последовал моему примеру. Мимо нас пробежал еще один отряд – затопали на второй этаж, и я услышал, как хлопнули двери. Так, судя по расположению, это номера эльфов. Стоп, но даже если они наябедничали на самоуправство Орочьей Десятки, этим будет заниматься не агентство малой безопасности.

Значит, дело плохо.

Вскоре отряд спустился со второго этажа, и нам с Дарханом позволили встать. Я отряхнулся, мысленно сделав заметку: приказать горничным мыть полы в два раза усерднее. Человек с лицом репы продемонстрировал мне бумажный конверт, из которого выглядывало то, что могло быть только хмель-травой, и ехидно осведомился:

– Вы Фьярви Эрикссон?

Я кивнул. Дело не просто плохо, дело очень плохо. Ушастые сволочи оставили мне неприятный сюрприз, освобождая номера.

– Это найдено в номере на втором этаже, – сообщил человек-репа. – Конверт вашей гостиницы с хмель-травой.

– Ну и что? – парировал я. Я слишком много лет в этом деле, чтобы меня можно было брать вот так на пушку, словно какого-то босняка. – Во-первых, изъят с нарушением процедуры. Во-вторых, докажите, что это найдено, а не подброшено вами. А в-третьих...

Человек-репа побагровел. Кажется, он ждал, что я паду ему в ноги и буду уговаривать решить дело миром, показывая обеими руками на сейф. Да-да, уже бегу.

– А в-третьих, это не хмель-трава, – прозвучал в холле невозмутимый голос Азоры. – Это петрушка.

Я обернулся, чувствуя, как в груди разливается тепло. Азора стояла чуть поодаль и смотрела так, что любой, на кого падал ее взгляд, немедленно начинал чувствовать себя грязью под ее обувью.

– Ты кто еще такая? – спросил человек-репа.

– Я повар этой гостиницы, – в голосе Азоры звенели льдинки. – И можете мне поверить, это петрушка.

Человек-репа заглянул в конверт, вынул из него разлапистые листья петрушки, и вид у него был такой, словно он переел селедки с молоком и осрамился посреди главной площади Келлемана. Надо было быстрее брать дело в свои руки, и я хищно улыбнулся.

– То есть, АМБ врывается в мою гостиницу, пугает постояльцев... – начал я, и девки госпожи Бьянки запищали: «Да! Да! Пугает!» – и бросились к бару запивать испуг. – И в итоге показывает мне петрушку?! Да я до губернатора дойду! Вымогатели! Шантажисты!

Я кричал еще долго, пугая и губернатором, и королем-батюшкой, и карами небесными – люди в черном сконфуженно спешили на выход, а мы с Дарханом шли за ними, угрожая и обещая спустить все шкуры, если эти люди хоть приблизятся к «Вилке и единорогу». Спровадив незваных гостей, мы вернулись в холл, и я увидел Азору с конвертом в руках – человек-репа просто бросил его за ненадобностью.

– Это таки хмель-трава, – негромко сказала Азора и протянула мне конверт. – Лучше сожгите ее, господин Эрикссон.

Я машинально взял конверт – только сейчас мне стало ясно, что эльфийская ледышка спасла меня, окутав траву мороком и осралив АМБ на весь Келлеман: ни девки, ни гости не будут молчать об этом позоре.

Спасла. Она меня спасла. От этого мне хотелось улыбаться.

– Спасибо, Азора, – так же тихо ответил я. – Вы спасли мой хвост, как говорят у нас, у гномов, – и, обернувшись к Дархану, произнес: – У нас проблемы. У нас очень большие проблемы.

Азора

– Мапочка, ты точно не будешь меня ругать?

Комната, в которой мы теперь жили, пришлась мне по душе. Просторная, очень чистая, окна на южную сторону и уборная – чего еще можно желать? Глория сидела у меня на коленях, открытка с яркими цветами, которую она нарисовала, стояла на подзеркальнике, и кажется, я была счастлива впервые за очень долгое время.

– Не буду, моя хорошая. Ты ведь не сделала ничего плохого. Господин Иканори счастлив, теперь у него есть подруга. А у нас есть деньги, и ты сможешь спокойно пойти в школу.

Да, теперь мне не придется думать, где купить подешевле подержанные учебники. Моя девочка получит самое лучшее – и мне не придется голодать.

– Это здорово, правда? – спросила Глория и вдруг издала долгий прерывистый вздох, как всегда бывало, когда она готова была расплакаться. – Если папа узнает, он меня побьет...

– Он не узнает, детка, – пообещала я. – И никто никогда ему не позволит тебя бить.

– Господин Фьярви сказал, что мы его друзья, – негромко сообщила Глория. – Что он не даст нас в обиду.

Сначала этот гном меня раздражал – очень уж гордо и заносчиво держался. Ну конечно, эльфийка готовит на кухне гнома, тут есть, от чего задрать нос. Для него это был определенный реванш и некая месть за изгнание его рода из Благословенного края. Но потом, когда он успокаивал меня после обеда, я стала думать, что не настолько он и плох.

Сама не знаю, как во мне сработала магия морока. Просто надо было спасти одного из тех немногих, кто был добр ко мне и Глории – и я превратила хмель-траву в петрушку. Если

бы мой отец об этом узнал, то был бы в бешенстве. Княжеская дочь не должна колдовать, это стыд и позор... Впрочем, он о многом знал и не считал это позором.

Пора забыть обо всем, что было в прошлом, и жить настоящим.

– Как ты думаешь, милая, мы сможем открыть здесь водное зеркало? – спросила я, стараясь говорить так, будто речь шла о каком-то пустяке. Глория удивленно посмотрела на меня.

– Мамочка, а нас не накажут?

Я обняла ее и ответила:

– Нет, никто нас не накажет. Но мы сможем помочь господину Фьярви. Он ведь наш друг, а друзьям надо помогать.

Да, пожалуй, это так и было. Этот гном был алчным, как и все гномы, и я была прекрасным приобретением для его гостиницы, но в нем была и доброта, и смелость. Его действительно можно было назвать другом – не сейчас, разумеется, позже.

– Тогда давай ему поможем! – обрадовалась Глория, и мы пошли в уборную.

Ванна была такой маленькой, что в ней можно было только сидеть. Я открыла кран и, глядя, как бежит вода, вспомнила, как мама учила меня открывать водное зеркало – разумеется, по секрету от отца. Он знал, что магия передается в нашей семье по женской линии, делал вид, что понятия не имеет о моих занятиях и книгах, которые я прятала под матрасом, но иногда его прорывало, и он говорил: «Азора, магия существует для простолюдинов. Ты дочь князя, ты не должна этим заниматься!»

– Мам, а куда мы будем смотреть? Далеко?

– Ты слышала шум на первом этаже? – спросила я. – Кто-то хочет навредить господину Фьярви и гостинице. Мы должны посмотреть, кто это.

Сказав об этом, я удивилась самой себе. Я ведь эльфийка, и мне следует относиться к новым знакомым со спокойным равнодушием. К тому же, я работаю в гостинице первый день и с учетом денег, которые дал господин Инамори, могу уйти отсюда и больше не работать вообще.

Но, кажется, во мне очень многое изменилось после бегства из Благословенного края...

– Да, давай посмотрим, – согласилась Глория. Я закрыла кран, опустила руки в воду и представила, как она темнеет, наливаясь серебряной тьмой. Водное зеркало открывалось, отправляя нас по следам тех, кто прислал в гостиницу людей в черном.

– Покажи мне правду, – приказала я. Серебряная тьма стусилась: казалось, в ванне лежит грозная туча с белыми проблесками молний. Глория испуганно ахнула, сжав мою руку, и я почувствовала, как от моей девочки плывет то, что древние называли бы истинной магией.

Тьма рассеялась. Водное зеркало лежало перед нами – чистое, ясное, прозрачное. В нем я увидела эльфа – одного из тех, кто кричал на меня во время обеда. Он подхватил с тарелки кусок недоеденного филе и швырнул в мою сторону, и тогда гранд-майор из Орочьей Десятки поднялся из-за стола и засучил рукава.

Сейчас этот эльф выглядел несчастным и сконфуженным. В руке он держал мешок со льдом и прижимал к подбитому глазу. Да, орки с ними не стали церемониться...

– Папа, ну это невыносимо! – всхлипнул он и завел глаза к потолку. Судя по богатой обстановке, открывшейся в водном зеркале, его семья давно жила в этом мире и не бедствовала. Интересно, почему они покинули Благословенный край?

– Невыносимо?! – прогрохотало в стороне. Водное зеркало сместилось, и я увидела второго эльфа: гордого, чопорного, одетого по моде Благословенного края. – Да как ты вообще посмел отправить туда агентов малой безопасности?

Я усмехнулась. Кажется, этому эльфу подбили глаз не орки, а отец. Эльф всхлипнул.

– Я хотел проучить этого наглого коротышку! Мало того, что он заставляет эльфийскую деву работать у себя на кухне, так он еще и привечает эту орочью грязь!

Грязь? Да эти орки в сотню раз благороднее, чем он! Я почувствовала, как во мне нарастает возмущенная обида.

– Забыл, где находишься? – и папаша закатил сыну такую затрещину, что он свалился с кресла. – Мы не дома, сынок, не в Благословенном краю! Это там можно было запороть крепостную, и никто бы тебе слова не сказал! А здесь мы все равны, и надо держать язык и руки при себе.

Я не могла с этим не согласиться. Когда эльфы изгнали орков и гномов, то люди приняли их – и быстро объяснили, что если гости хотят жить спокойно, то им нужно вести себя, как полагается гостям. Может быть, именно поэтому здесь все жили относительно спокойно.

– Мне кажется, я уже видел эту эльфийку, – сказал эльф, со стоном поднимаясь с ковра. Он хотел, чтобы отец жалел его, но тот и не собирался этого делать. – Ты же знаешь, что жена принца Эленвера сбежала от него?

Я даже дышать перестала. Глория еще сильнее сжала мою руку, и я почувствовала, как девочка дрожит.

– Ну и что? Дура, которая не ценила своего счастья, – фыркнул папаша. – Принц уже ищет новую невесту.

Я понимающе усмехнулась. Должно быть, Эленвер использовал мой побег себе во благо. Представляется несчастным брошенным мужем, чья жена не ценила его доброты, и теперь ему необходимо утешение.

Мне сделалось противно.

– Мне кажется, это принцесса Азора. Как думаешь, это чем-то может нам пригодиться?

– Мамочка... – Глория всхлипнула, и в ее глазах проплыл настоящий ужас. – Мамочка, а если они нас вернут?

– Мы не вернемся, – твердо сказала я, и эльф ответил:

– Посмотрим. В любом случае, больше не лезь к ним.

В дверь нашей комнаты осторожно постучали. Я закрыла глаза и отправила в водное зеркало уничтожающий импульс. Вскоре в ванне была обычная вода, которая быстро убегала в сток.

Глория плакала – как в первые дни нашей жизни в этом мире. Тогда она просыпалась по ночам, рыдала и радовалась, что проснулась здесь, а не дома. Я обняла ее и решительно сказала:

– Все будет хорошо, милая. Никто нас не обидит. Я не позволю.

Стук повторился. Мы с Глорией вышли из уборной, и я открыла дверь.

Фьярви

Это был лучший букет, который можно было приобрести в Келлемане в это время года, и я даже думать не хотел о том, сколько за него пришлось заплатить. Белые розы, нарциссы, жасмин и ирисы – госпожа Марта, цветочница, передала его мне и сказала:

– Ни одна девушка не останется равнодушной, господин Фьярви, уж поверьте моему слову!

Я кивнул, не желая вступать в беседу, и лишь подумал: «Девушка не останется, а эльфийка?» С Азоры стало бы прогнать меня, отхлестав этим букетом по спине.

Впрочем, с чего бы? Я не собирался делать ничего дурного. Просто поблагодарил бы ее за петрушку вместо хмель-травы, ничего особенного. Дружеский знак внимания.

«Какой она тебе друг, ты на себя-то посмотри», – тотчас же посоветовал внутренний голос. Я отмахнулся от него и постучал в дверь.

Азора открыла, и я увидел, что она взволнована. Из-за маминой спины с любопытством выглянула Глория, увидела мой букет и ахнула. А я смутился – кажется, впервые со студенческих лет, когда пытался за кем-то ухаживать.

Нет, я не ухаживаю. Я хочу сказать спасибо, и ничего, кроме этого. Впрочем, я прекрасно понимал, как мой приход мог выглядеть со стороны – хозяин заведения оказывает знак внимания подчиненной и намекает на продолжение банкета уже в другой плоскости.

– Добрый вечер, Азора, – я улыбнулся, протянул эльфийке букет. Она машинально взяла его – кажется, Азора ожидала чего угодно, но не цветов. – Вот, хотел вас поблагодарить. Вы сегодня спасли «Вилку и единорога». И меня.

Азора кивнула, и я увидел, что она смутилась – и это смущение было ей к лицу.

– Отец всегда говорил, что магия для простолюдинов, – негромко ответила она. – А я все равно ей занималась... и рада, что она вам пригодилась. Спасибо за цветы, господин Эрикссон.

Я не ожидал, что она предложит войти – но Азора сделала шаг в сторону, пропуская меня в комнату, и передала букет Глории. Девочка восторженно ахнула и, схватив цветы, осторожно поставила их в вазу на окне. Комната сразу же обрела изящный вид.

– Как ты себя чувствуешь, Глория? – спросил я. Девочка машинально дотронулась до одного из зеленых пятнышек на лице и ответила:

– Хорошо. Не волнуйтесь, этим болеют только эльфийские дети.

– Я знаю, кто натравил на вас агентов малой безопасности, – сказала Азора, и я почувствовал, как волосы на моих руках поднимаются дыбом. – Один из тех эльфов, которых сегодня разогнала Орочья Десятка.

– Откуда вы знаете? – я присел на край кресла, сделав очередную заметку: прямо завтра принести сюда новые покрывала, заменить ковер и повесить другие шторы. Если Азора здесь живет, а я думаю про гастрономический туризм, то ей надо устроить такие условия, чтобы она хотела остаться.

– Сделала водное зеркало, – призналась Азора, и на ее бледных щеках проступил румянец, словно она говорила о чем-то постыдном. Так, в общем-то, и было: эльфы из благородных не занимаются магией. – Двое эльфов, отец и сын. Сын хотел вас проучить, отец говорил, что он неправ. Даже дал ему оплеуху.

– Да, так все и было, – подтвердила Глория. Она стояла у окна, рассматривая цветы в букете, и привычное серьезное выражение ушло с ее личика: теперь это была обычная девочка, которую я сумел обрадовать.

Нет. Не обычная девочка, ни в коем случае. Передо мной была могущественная волшебница, которая оживила куклу господина Иканори. И я был рад, что мы подружились.

– Это Алаин Веренвельд-младший, – сообщил я. По повадкам это была именно семья Веренвельдов: у них было достаточно денег для того, чтобы натравить на меня агентов малой безопасности. – Сын одного из банкиров, папаша пробует приладить его к семейному делу, но получается плохо.

– Он на вашей стороне. Он не одобряет поведения сына.

– Разумеется! Ему не нужны проблемы, – ответил я. – Но его задело то, что здесь его сыну задали трепку. Еще раз спасибо, что вы оказались рядом, Азора.

Азора улыбнулась. Взгляд сделался мягче. Та ледышка, которая сегодня вошла в «Вилку и единорога», исчезла.

– И вам спасибо, господин Эрикссон, – сказала она, и я сразу же произнес:

– У меня есть кое-какой план, Азора. Скажите, умеете ли вы готовить какие-нибудь особенные блюда?

Азора вопросительно подняла бровь.

– Особенности? Какие именно?

– Такие, каких больше ни у кого нет, – объяснил я. – Такие, какие можно будет попробовать только в «Вилке и единороге». Вот, что я придумал: люди станут приезжать в Келлеман для того, чтобы попробовать то, что вы готовите.

Бровь Азори поднялась еще выше.

– Просто чтобы поесть? – уточнила она, и в ее голосе снова зазвенели льдинки. Я почувствовал себя глупцом и торопливо добавил:

– Вы прекрасно готовите, Азора. И я хочу, чтобы мы оба смогли заработать на этом побольше. Еда – это ведь не просто топливо для брюха. Еда тоже может быть предметом искусства. Сокровищем.

Господин Морави и его повара этому явно не обрадуются – но сейчас я смотрел на Азору, и мне было плевать на конкурентов. Пусть себе плюются ядом, а люди будут приезжать в «Вилку и единорога», чтобы поесть таких блюд, которые им нигде больше не предложат.

А ведь несколько часов назад я ни с кем не хотел делиться тем, что готовит прекрасная повариха! Но такова натура гнома: мы всегда ищем, как и где можно заработать и преумножить наши денежки.

– Сюда не поедут ради еды, – нахмурилась Азора. – Нужно что-то еще. Что вы хотели, заказать статьи в журналах?

Я кивнул.

– Да. Видели такие? Якобы путешественники пишут о местах, в которых побывали, но большая часть таких статей – это описание магазинов, гостиниц и новых мобилей. Впрочем, публика это любит.

Азора отрицательно качнула головой.

– Келлеман маленький городок, все туристические места далеко отсюда... Что, если объявить кулинарный конкурс?

Я пожал плечами. Мне нравилось, что Азора начала обсуждать мой план и не отвергла его с ходу.

– Неплохая мысль, – согласился я. – Если намекнуть бургомистру, что его дорогой Морави может победить, то он поддержит нас. Но Морави, конечно, не победит, рядом с вашей его стряпня просто дрянь.

Азора улыбнулась, и ее лицо будто бы озарило светом. Я подумал, что мы сейчас сидим совсем как друзья – улыбаемся, говорим о важном и нужном, и все у нас хорошо.

– Мне нравится ваш план, господин Эрикссон, – призналась Азора. – И у меня есть пара интересных рецептов в запасе. Давайте попробуем... вдруг все получится?

Кажется, я засиял, как масляный блин.

– Обязательно получится! – воскликнул я. – Тут не может быть вариантов!

Фьярви

Морави был похож на моржа: сонный, с длинными висящими до груди усами, он еле двигался, но я прекрасно знал, что если его разозлить, то клочки полетят по закоулочкам.

– Кулинарный конкурс? – повторил он. – Только попробуй, Фьярви. Зажарю твою печень на вертеле и скормлю тебе.

Я не сомневался, что он ответит именно так. Отодвинул блюдо с телячьими рулетиками в ветчине – туда наверняка плюнули при готовке для дорогого гостя – и ответил:

– Но ты же победишь.

Морави удивленно приподнял кустистую левую бровь. Он был хорошим поваром, несомненно, но я с определенной гордостью отмечал, что до Азоры ему далеко.

Взять хоть бутерброды. Кусок хлеба, кусок начинки – да как бы не так! Сегодня на завтрак подали яичницу с беконом и помидорами, а компанию им как раз и составляли бутерброды. Ломтик зернового, чуть подсушенного хлеба, паста из авокадо, кусочки форели и россыпь зелени – это была не еда, а произведение искусства, и Морави до такого никогда бы не додумался.

Можно быть хорошим мастером, а можно гением, и я отлично знал, где мастер, а где гений.

– Ни за что не поверю, что ты позволишь обойти свою эльфийку, – фыркнул Морави. – О ней весь Келлеман говорит. В «Вилке и единороге» наконец-то стали подавать не хручило, а еду.

Я снисходительно улыбнулся. Гости рассказали о драке с эльфами, а офицеры из Орочьей Десятки добавили детали и сделали моей гостинице замечательную рекламу. Сегодня утром к моей стойке подошла компания горожан и спросила, можно ли снять номера на несколько часов, чтобы отведать обеда, который подают только для постояльцев.

Я не отказал. И взял с них двойную цену.

– Ты знаешь, я собственник, – признался я. – И очень ревнивый собственник. Моя повариха готовит только для моих гостей. А что сделать, чтобы сюда приехало как можно больше народу?

– Кулинарный конкурс, – нехотя кивнул Морави. – Народ покушать любит. Будут останавливаться у тебя и есть, между прочим, в твоей гостинице!

– Ладно, – улыбнулся я и отодвинул тарелку. – Не хочешь, как хочешь.

– Иди уже, – посоветовал Морави.

Я вышел из ресторана и неспешным шагом двинулся по улице в сторону «Вилки и единорога». Похоже, идею кулинарного конкурса придется отменить. Бургомистр ее не поддержит – что ж, придумаю что-то еще. Гномы всегда были мастерами зарабатывать деньги на сокровищах. А Азора и ее стряпня как раз и были настоящим сокровищем, которое могло бы и не приплыть ко мне в руки, если бы не увольнение Пекки...

Подойдя к гостинице, я услышал рев – такой отчаянный и несчастный, что сердце сжалось. Вбежав по ступенькам и войдя в холл, я увидел прекрасную картину: Глория сидела на диване, захлебываясь слезами, Азора, которая примчалась из кухни, обнимала ее и утешала, а шлюшки госпожи Бьянки, всегда считавшие, что Бог подает тем, кто рано встает, и работавшие с самого утра, столпились и пытались успокоить девочку, протягивая ей то конфету, то браслетик, то еще какую-то блестящую бижутерную ерунду, которой у них было в избытке.

– Милая, ты все равно красоточка, каких поискать! – хором утешали они.

– Убью, – твердо обещал Дархан, который стоял рядом с видом кота, который подложил мину на белый ковер и был застукан за этим черным делом. – Найду и убью.

Глория заревела еще горше. Я подошел, посмотрел на нее и спросил:

– А что у нее с волосами?

У девочки была лишь одна коса, заплетенная справа. С левой стороны головы топорщились и завивались неровно обрезанные волосы. Глория заморгала, словно несчастная рыбка, и ответила:

– Мы... мы решили играть... в прятки...

И больше она ничего не смогла сказать, лишь снова расплакалась. Азора устало посмотрела на меня и объяснила:

– Она пошла играть в прятки с мальчиками Дархана. И они убедили ее отрезать одну косу и положить вам на стойку. Это как бы знак того, что там никого нет, и искать надо в другом месте.

Я слышал, что в случае опасности или беды орки срезают косы – но не думал, что они делают это с другими.

– Убью, – снова пообещал Дархан. Я присел рядом с Глорией и спросил, прекрасно понимая, каким будет ответ:

– И где ты спряталась, детка?

– Под стойкой! – прорыдала Глория и уткнулась лицом в ладони. Оставшаяся коса сиротливо свесилась на ее плечо. Я дотронулся до ее локтя и спросил:

– Хочешь, я тоже срежу косы?

Для гнома срезание кос на голове и в бороде было невероятным позором, но я решил, что это не самая большая цена, чтобы успокоить ребенка. Мой дед однажды обрился наголо, когда мой отец был при смерти и облысел от лекарств.

– Господа, что за шум? – услышал я голос госпожи Бьянки: она всплыла в холл и удивленно уставилась на своих девиц, которые вместо работы причитали и вздыхали. Дархан вздохнул и признался:

– Мои оторвы отрезали девочке косу.

– Ох... – весь вид госпожи Бьянки выражал крайнее сожаление. Она подошла к Глории, оценила ущерб и улыбнулась той улыбкой, которую, должно быть, считала обаятельной.

– Милая, это волосы, а не ноги и не зубы. Они отрастут, – сказала госпожа Бьянка с несокрушимой твердостью. – А пока пойдем со мной. Я тебе помогу.

Азора кивнула, и Глория, трясаясь от всхлипываний, поднялась с дивана: госпожа Бьянка взяла ее за руку, и они пошли в сторону малой подсобки, где я разрешал хранить всякие мелочи. Проводив их настороженным взглядом, Азора вздохнула, и Дархан тотчас же произнес с несокрушимой решительностью:

– Они свое получают. Так выпорю, что спать и сидеть будут стоя.

Азора едва заметно улыбнулась. Взяла неровно откромсанную косу дочери и ответила:

– Эта леди права, волосы отрастут. Зато мы всегда будем помнить это приключение.

Глава 3

Азора

Госпожа Бьянка аккуратно подстригла и завила Глорию: выйдя из подсобки, девочка смущенно улыбнулась и заметила:

– Кажется, я похожа на овечку.

– Да, до длинных волос тебе пока далеко, – согласилась я. – Но впереди лето, а здесь жарко, и с короткой стрижкой будет легче.

Госпожа Бьянка снисходительно улыбнулась. Она была похожа на огромного кита, двигалась величаво и спокойно, и я обрадовалась тому, что она вовремя оказалась здесь, с нами.

– Спасибо вам, – сказала я. – Если чем-то когда-то смогу помочь, то я к вашим услугам.

– Пустяки, забудьте, – произнесла госпожа Бьянка с видом императрицы и пошла проверять доходы своих подопечных. Я со вздохом посмотрела ей вслед: нет, такие люди никогда ничего не забывают, даже того, что делают по доброте душевной.

– Здесь есть магазин игрушек на соседней улице. Хочешь сходить? – предложила я. Блестки слез в глазах Глории окончательно высохли, и моя девочка наконец-то улыбнулась.

– Хочу! Спасибо, мамочка! Я посмотрю платье для Мамзель Тутту! Оно совсем-совсем недорогое!

Мамзель Тутту была ее куклой – единственной игрушкой, которую мы захватили из дома. Старая, вытертая, с растрепанными волосами, она была памятью о доме, в который мы никогда не вернемся.

– Если хочешь, то купи конфет на обратном пути, – улыбнулась я. Мы обнялись, я поцеловала Глорию в завитки волос на макушке, и девочка убежала. А мне надо было не тратить времени даром, а идти на кухню. Обед следовало подавать вовремя.

Домовые сегодня выглядели по-настоящему удивленными. В Благословенном краю не было таких существ, я впервые увидела домовых в приюте святой Марфы и до сих пор смотрела на них с интересом – они были похожи на серых пушистых котов, которые передвигались на задних лапах.

– Что случилось? – спросила я. Один из домовых заглянул в ту плиту, в которой готовился обед для помощников, и удивленно спросил:

– Простите, госпожа Азора, а это для кого?

Картофель с маслом авокадо, сельдереем и укропом, куриная грудка с фасолью и перцем – большой горшок супа с фрикадельками и кабачковой лапшой уже был отправлен на тихий огонь. Домовые столпились пушистой стайкой и смотрели на меня так, словно я невзначай чем-то обидела их.

Мне стало не по себе.

– Еда для помощников, – ответила я. – Для вас.

Второй домовой шагнул вперед, сжимая в лапках полотенце, и спросил:

– То есть, мы сядем за стол, и это будет у нас в тарелках?

– Да, – кивнула я. – Что-то не так?

Домовые бросились ко мне, обняли, и кухню наполнили звонкие веселые голоса:

– Еда! Наша настоящая еда!

– Мы будем есть, как все! За столом!

– Пекка всегда кормила нас остатками с тарелок!

– Спасибо! Спасибо, добрая госпожа Азора!

Моя неловкость увеличилась в несколько раз. Повариха в доме моего отца всегда говорила: хочешь, чтобы твои слуги работали хорошо – корми их с уважением, и я считала, что так и должно быть. Пообещав, что теперь у домовых всегда будет нормальная еда, я похлопала в ладоши, и мы принялись за обед.

Говяжий суп с копченостями, маринованными огурцами и маслинами всегда требовал внимания и лимонного сока. На второе я решила приготовить прозрачную бобовую лапшу с перцем, морковью и луком – компанию ей составляли кусочки куриной грудки в пикантном маринаде. Салат сегодня был простой и очень летний: помидоры, огурцы, зеленый лук и сметана. Я погрузилась в работу так, что не заметила, как летело время, и опомнилась только тогда, когда один из домовых потянул меня за край фартука.

– Госпожа Азора! Добрая госпожа Азора! К вам гость!

Я кивнула и прошла к выходу из кухни – там маячило что-то, похожее на букет цветов в человеческий рост. Эльф, который вчера получил здесь знатную трепку от Орочьей Десятки, держался с холодным достоинством, и за ним была видна несокрушимая уверенность в собственной привлекательности.

– Что вам нужно? – спросила я. Я могла быть беглянкой – и я была княжеской дочерью, и этого никто не смог бы отнять у меня. Эльф протянул мне цветы и с улыбкой, которую, должно быть, считал соблазнительной, произнес:

– Меня зовут Алаин Веренвельд, миледи. Вчера здесь произошло определенное недоразумение, и я пришел извиниться.

Вот, значит, что это было. Определенное недоразумение. А я думала, что это была приготовленная мною еда, которую швыряли мне в лицо только за то, что я работала на гномьей кухне.

– Что ж, – я знала, что моя улыбка сейчас похожа на ледяной клинок. – Я слушаю ваши извинения.

Левая бровь Веренвельда едва заметно дрогнула. Конечно, он надеялся, что мне хватит просто факта его прихода, и не думал, что ему придется склонять голову еще ниже.

– Я поступил дурно, – нехотя процедил он. – Это недостойно мужчины моего уровня.

Должно быть, его сюда отправил отец: Веренвельд-старший понимал, что можно упасть – но и подняться тоже можно.

– Совершенно верно, – услышала я голос Фьярви. – Мужчины так себя не ведут. Плохо, что ваши родители не рассказали вам об этом.

Гном держался с гордым видом хозяина, и Веренвельд сжал губы. Эльфы презирают гномов, считая их грязью, которая родилась из грязи и не смеет смотреть в лицо владыкам и пове-

лителям – то, что сейчас гном осмелился учить его манерам, было для Веренвельда как пощечина.

– Азора, вам на кухне нужен веник? – поинтересовался Фьярви. – Нет? Тогда нам пригодится, тут стало пыльно. Надо подмести.

Зрачки Веренвельда вытянулись в ниточку – эльф был в ярости. Фьярви держался с таким непробиваемым равнодушием, что я невольно залюбовалась им.

Мне вдруг показалось, что в его словах, осанке и взгляде было что-то большее, чем желание работодателя заступиться за хорошего работника. А Фьярви ослепительно улыбнулся и вдруг отрывисто приказал:

– Пшел вон отсюда, дрянь. Еще раз сунешь морду – выпорю.

Веренвельд убежал так, что пол трясся. Я рассмеялась: ну и смельчак! Отважен только тогда, когда ему не дают отпор! Фьярви проводил его скептическим взглядом и спросил:

– Мешал?

– Нет, – улыбнулась я. – Пытался извиниться.

Мы улыбнулись друг другу, словно старые товарищи, и я вдруг поняла, что наконец-то оказалась на своем месте. Я делаю то, что мне нравится, и рядом со мной хорошие люди. Фьярви смотрел так, словно хотел о чем-то сказать, но не решался.

– Мамочка! – услышала я голос Глории. – Смотри, какая у меня шкатулка!

Я увидела дочку, идущую по коридору: в руках у нее была крохотная шкатулка с золотой инкрустацией. Прелестная вещица – но, взглянув на нее, Фьярви вдруг изменился в лице, словно прямо перед ним во весь рост поднялась смерть, и проревел:

– Брось! Брось немедленно! *Аш-шахаван-инзун!*

Глория замерла с раскрытым ртом, протягивая к нам шкатулку – мы с Фьярви рванулись в сторону моей девочки, и на какой-то момент во мне не осталось ничего, кроме нарастающего ужаса за дочь. Фьярви успел ударить ее по руке, выбивая шкатулку: в тот же миг инкрустация на ней пришла в движение, и я почувствовала, как под нами дрогнул пол, словно здание «Вилки и единорога» пыталось что-то с себя стряхнуть.

Шкатулка покатилась по паркету, рассыпая искры; выплевывая ругательства на темном гномьем наречии, Фьярви подхватил Глорию на руки и бросился бежать. Я рванулась за ними, слыша встревоженные взвизгивания домовых за спиной и чувствуя, как коридор наполняется магией – темной, жестокой. От нее веяло чем-то гнилым, и волосы поднимались дыбом от этого запаха.

Меня бросило в холод – и тут же окутало жаром. Я почти слышала, как смерть, горячая и мучительная, щелкает зубами, пытаясь догнать нас.

Когда-то давно я слышала о шкатулках с проклятиями, но подумать не могла, что однажды увижу такую дрянь своими глазами. Мы выбежали в холл, почти слетели по лестнице и оказались на улице – тогда я услышала, как далеко-далеко что-то хлопнуло и зазвенело.

Проклятие не достигло цели и развеялось.

Фьярви почти рухнул на ступеньки, похлопал Глорию по щекам, пытаясь привести ее в сознание – я опустилась рядом с ним, и все во мне сжалось, когда я увидела, как бледна моя дочь. Она открыла глаза, всхлипнула и что-то пробормотала, и я поклялась, что найду того мерзавца, который подсунул ей шкатулку, и он очень пожалеет о своем поступке. Фьярви надалвил на переносицу Глории, и она окончательно пришла в чувство. Я взяла ее на руки, прижала к себе, мысленно скользя по магическим полям, которые окутывали дочку, и проверяя, все ли в порядке. Да, все было хорошо...

– Если бы не вы... – прошептала я. – Ох, Фьярви, вы ее спасли!

Гном усмехнулся. Глория сжала его руку, всхлипнула, вздрогнув всем телом. Ей было страшно, и страх развернулся в ней именно сейчас.

– Детка, где ты взяла шкатулку? – с искренней тревогой спросил Фьярви. Глория снова всхлипнула и негромко ответила:

– Купила в магазинчике... вон там, на той улице. Я хотела платье для Мамзель Тутту, а потом подумала, что лучше куплю что-то для мамы... У нее сережки просто в мешочке лежат.

Милая моя девочка! Я с трудом сдерживала слезы. Если бы я потеряла Глорию, то и мне самой тогда было бы незачем жить.

– Что-то страшное, да? – спросила Глория. Из гостиницы доносились испуганные возгласы и топот, но пока никто не выходил из дверей.

– Это шкатулка с проклятием. Ты могла бы очень тяжело заболеть, но мы вовремя смогли сбежать, – глухо ответил Фьярви и пообещал: – Вырву руки старому Арбарукко, это чем же он торгует-то!

– Мы вовремя успели выбежать, да? – уточнила я. Мне даже думать не хотелось о том, что случилось бы с Глорией, если бы Фьярви не выбил шкатулку у нее из рук, но воображение само подсунуло мне такую картинку, что я едва не упала со ступеней.

– Боги отвели, – вздохнул Фьярви и поднялся на ноги. – Теперь надо вызывать службу очистки... получается, сегодня и завтра кухня не работает. У вас неожиданные выходные, Азора.

– Пойдите-ка! – я опустила Глорию на ступеньки и вынула из кармана вчерашний чек, выписанный господином Иканори. – Вот, возьмите. Чем быстрее они все вычистят, тем лучше.

Фьярви отстранил мою руку, и мне показалось, что он даже обиделся. Некоторое время мы смотрели друг на друга, и это чем-то было похоже на дуэль, потом Фьярви произнес:

– Да ну перестаньте вы. У меня есть деньги, а вы отдаете последнее.

– Это вы перестаньте, – улыбнулась я, понимая, что ему сейчас неловко брать у меня чек. Я словно бы оплачивала спасение своей дочери, и гнома это задело до глубины души. – Я хочу поделиться со своим другом тем, что у меня есть. С другом, который спас мою дочь. Словами не передать, как я вам благодарна.

Фьярви помедлил, а затем все-таки взял чек и негромко, словно стеснялся самого себя, сказал:

– Я все верну вам сразу же, как только смогу, – он провел ладонью по голове, сгреб в пригоршню свои косы на затылке и устало признался: – Что-то плохо дела пошли. Все как-то не ладится.

– В Благословенном краю всегда говорят, что мир вернется к лучшему, – я постаралась улыбнуться, надеясь, что Фьярви не подумает, будто бы я над ним насмехаюсь. – Все будет хорошо, мы обязательно справимся.

Фьярви улыбнулся.

– Мне нравится, как вы говорите это «мы».

– А мне нравится так говорить, – призналась я, и мы вернулись в гостиницу.

Здесь царил переполох. Стены коридора, который вел к кухне, обгорели. На полу громоздилась гора золотистых ошметков: проклятие не сработало и рассыпалось. Из кухни испуганно выглядывали домовые, гости встревоженно смотрели и негромко переговаривались. Девушки госпожи Бьянки выглядели испуганными; судя по опустевшим бутылкам бара, бармен наливал им уже не первую рюмку для успокоения.

Фьярви выглядел так, словно вся его жизнь сейчас лежала в руинах. Мне захотелось что-то сказать, как-то поддержать его – но я понимала, что никакие слова ему не помогут.

– Господа! – громко сказал Фьярви, и, когда все обернулись к нему, угрюмо продолжал: – Здесь был взрыв шкатулки с проклятием, и я вызываю очистку помещения. Сегодня и завтра столовая и кухня не работают, я приношу вам извинения и верну деньги. Мне очень жаль, что так вышло.

Он вздохнул и с угрюмым видом направился в свой кабинет. Мы с Глорией с грустью смотрели ему вслед.

Фьярви

Сотрудники службы очистки сделали свою работу всего за час, но сказали твердо: не заходить в эту часть гостиницы сегодня и завтра. Все продукты на кухне и в кладовой пришлось выбросить. Я представил нынешние цены, и мне сделалось тоскливо. Потом тощий коротышка в форме службы очистки погромел карманными счетами, показал, сколько я должен ему выплатить, и моя тоска усилилась в несколько раз.

– Дорого берете, – не удержался я, открывая сейф и вынимая ассигнации. Коротышка даже бровью не повел: наверно, о стоимости услуг его ведомства ему только ленивый и немой не рассказал.

– Дорого – делайте сами, – невозмутимо ответил он. – Всего-то развести карсольскую кислоту и три части настойки веренвенской вытяжки, добавить...

– Ладно, не бубни, – вздохнул я, отсчитал ему нужную сумму и подумал, что с мечтой съездить осенью в Благословенный край придется проститься. Я не смогу посмотреть на свой прежний дом даже как турист...

Впрочем, что теперь об этом переживать. Главное, что все живы, а деньги – деньги еще заработаются.

Я представил, сколько всего нужно будет купить для кухни и кладовой, и на какое-то мгновение мне сделалось нехорошо. Впрочем, я быстро совладал с волнением, спровадил коротышку, который водил жалом по сторонам, ища и прикидывая вслух, где тут еще могут пригодиться его услуги, запер сейф и кабинет и отправился в ту лавочку, где Глория купила шка-тулку с проклятием.

Это был магазинчик сувениров Арбарукко, и я не удивился, что он привлек внимание девочки. Чего тут только не было! И фарфоровые куколки, которые качались и вызывали песни, и украшения прошлых веков – их когда-то носили благородные дамы Келлемана, а обедневшие потомки сдали в ломбард, и книги с рецептами как в кулинарии, так и в магии, и карты тех стран, которые давно оказались на дне морском, и пугающие маски из черного дерева, привезенные с Дальнего Юга. Сам Арбарукко, скрюченный от болезни позвоночника и даже не старый – древний, стоял в дверях, раскуривая трубку. Светло-голубые глаза сверкали из-под кустистых бровей ярко и молодо, и я вспомнил, что лет пятьдесят назад он гонял меня и обзывал бродягой.

– А, бродяга! – с презрительным дружелюбием произнес Арбарукко. – Чего приперся? Ковер хочешь в свою нору?

Я почувствовал, как по загривку пробежали мурашки. Верный способ вывести гнома из себя – упомянуть нору.

– Мы не роем норы, – не выдержал я. – Мы строим подземные дворцы. Ты лучше скажи, почему продал ребенку шкатулку с проклятием?

Арбарукко сунул в рот мундштук, сжал его крепкими желтыми зубами и с прежним презрением ответил вопросом на вопрос:

– А зачем она покупала? Мамка не рассказала ей про такие вещицы?

Я понимал, что Арбарукко хочет меня взбесить, старался не поддаваться на провокацию и все-таки почувствовал, как во мне закипает гнев.

– Она не знала, что есть мерзавцы, которые продают такое детям.

– А я при чем? Не знала, так теперь узнала. Кто ей доктор, если она дура?

У меня в животе разлился холод – верный признак того, что я едва сдерживаю свой гнев.

– Твоя шкатулка вогнала меня в лишние расходы, – холодно ответил я. – И слава богам, никто не погиб!

– Ну и что ты хочешь? Возмещения ущерба?

Для гнома я достаточно высок, почти до плеча человеку среднего роста: этого хватило, чтобы взять Арбарукко за воротник и встряхнуть без всякого уважения к старости.

– Ты продал ребенку шкатулку с проклятием, тварь, – любезно сообщил я. – Ты меня чуть не разорил. Либо ты дурак, либо тебя кто-то надоумил на такую гадость, кто?

Арбарукко дернулся, пытаясь освободиться, но даже Нар и Очир не могли вывернуться, если я брал их за воротники. Он понял, что сопротивляться бессмысленно, и пробормотал:

– Ладно, пусти! Пусти уже, пошли поговорим.

Я толкнул его в лавку, Арбарукко запер двери и, пробормотав:

– Вот что за народ такой, ни капли уважения... – потащился к кассе. Я пошел за ним, стараясь ничего не зацепить и не уронить в его пещере с сокровищами. Арбарукко нырнул за стойку, чем-то погромел и почти выбросил стопку ассигнаций.

– На, подавись, – посулил он. – Разговор окончен?

Я аккуратно сложил деньги, сунул их в карман и спросил:

– Так кто тебя надоумил?

Арбарукко смерил меня тяжелым неприятным взглядом и снова сунулся под стойку. Еще одна стопка ассигнаций – я снова ее забрал и произнес:

– Не слышу ответа.

Было ясно, что дело скверно. Если Арбарукко решил от меня откупиться, тем более, вот так, внаглую, значит, его заказчик заплатил ему намного больше, чтобы шкатулка с проклятием попала в руки Глории. Кто это был, один из обиженных эльфов или Морави, который решил сделать так, чтобы я думал о гостинице, а не о гастрономическом туризме?

– Я не буду вызывать полицию, – пообещал я. – Я просто дам Дархановым пацанам спички, и они придут сюда играть. В самый глухой ночной час.

Арбарукко побледнел. В прошлый раз, когда Нар и Очир играли со спичками, поджигая тополиный пух, сгорел их детский сад и еще четыре дома по соседству. Кто же знал, что там рядом притаилась бочка олеума для директорского мобиля? Он понял, что я не шучу, посмотрел по сторонам и негромко сказал:

– Ладно, хрена ли с тобой поделать... Против тебя ополчились эльфы. Папаша Веренвельд в ярости из-за того, что вчера орки задали трепку его сыночку. Ты знаешь, что твоя повариха – эльфийская княжна и бывшая жена принца Эленвера?

Я кивнул, стараясь выглядеть невозмутимо – хотя это плохо получалось. Принцесса на моей кухне! Даже не знаю, везение это или беда.

– Ну и вот, – Арбарукко ковырнул кончик носа. – Веренвельд сказал ему, что его беглая женушка нашлась. А тот сказал, что ее надо проучить. Возвращать ее он не собирается, у него уже другая, да не одна. Но проучить – да, надо.

Лед в животе сделался невыносимым. Я решил, что сейчас выйду из этого дрянного логова и что-нибудь расколочу.

Подбросить шкатулку с проклятием собственному ребенку! Я не то что бы не понимал такого – я знал, как говорят подобные этому принцу: бывшая жена и бывшие дети. Но я не мог этого принять. Ни один гном не смог бы.

– Понятно, – сказал я. – Ладно, всего плохого.

Арбарукко скорчил мне рожу, но ничего не сказал в ответ.

Азора

Глория хотела погулять, но я была так взволнована и так за нее переживала, что весь день мы провели в номере гостиницы – читали, рисовали на листах бумаги с печатью «Вилки и единорога», даже вырезали платья для кукол. Вечером, когда я окончательно успокоилась, мы все-таки вышли из номера и спустились в холл. С Глорией все было в порядке, со мной тоже – значит, незачем оставаться взаперти.

Когда шкатулка взорвалась, выпуская проклятие, я почувствовала дальние оттенки эльфийской магии – сперва боялась признавать это, а потом все же сказала себе: Эленвер нас нашел. Он не стал восстанавливать свои права – жена, сбежавшая из Благословенного края, сразу же считается бывшей и опороченной. Он просто захотел нас ранить, и побольнее.

Ничего другого я и не ожидала. Просто что-то царапнулось в груди – а за болью пришла радость от того, что теперь я свободна, и мой бывший муж уже не имеет над нами власти.

Вот и слава всем богам. А с остальным мы справимся.

Фьярви собирался домой: стоял у стойки регистратора, отдавая последние распоряжения портье. Я подумала, что для гнома он очень высок и, кажется, впервые посмотрела на хозяина «Вилки и единорога» с определенным интересом. Светловолосый, с длинными косами почти до пояса и косичками с серебряными кольцами в бороде, он был совсем еще молод – вряд ли больше ста сорока, по меркам гномов, мальчишка: они живут больше тысячи лет. Но в нем было что-то, заставлявшее смотреть с уважением.

Может быть, доброта? Сила и забота?

– Господин Фьярви! – Глория радостно подбежала к нему и взяла за руку. Гном улыбнулся ей с тем умилением, с каким гномы обычно смотрят на детей, хоть своих, хоть чужих. – Спасибо, что спасли меня!

– Всегда пожалуйста, детка, – ответил Фьярви и погладил Глорию по голове. – Дай боги, ничего такого больше не случится. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо! – ответила Глория и обернулась на меня. – Мы с мамой идем гулять. Пойдете с нами?

Это было сказано с такой непринужденной легкостью, что отказаться было просто невозможно. А я почему-то почувствовала неловкость. Не знаю, почему.

Фьярви задумчиво нахмурился и ответил:

– Кажется, в Келлеманском парке выставка животных. Посмотрим?

– Ура! – Глория захлопала в ладоши и даже подпрыгнула, предвкушая зрелище. – Мамочка, животные!

– Пойдем, – улыбнулась я и только потом подумала, что это похоже на свидание. Сегодня весь Келлеман будет рассматривать нашу компанию и шептаться: вон видите? Это та самая эльфийская княжна, которая работает поварихой у гнома. И кажется, он за ней ухлестывает!

Ну и что? Пусть говорят, что хотят – мы не делаем ничего плохого, а просто гуляем. И Фьярви Эрикссон не ухлестывает за мной – он для этого слишком умен.

– Я зашел в магазин Арбарукко, – сообщил Фьярви, когда мы вышли из гостиницы и неспешно побрели по улице в сторону садика, который здесь гордо назывался парком. – Эта шкатулка – послание от вашего мужа через обиженного Веренвельда.

Я понимающе кивнула. Если Эленвер узнал, где мы – а он наверняка узнал, эльфы, получившие взбучку от орков из-за поварихи, не стали молчать о том, кто именно стряпает в «Вилке и единороге» – то не удержался бы от прощального подарка. Просто потому, что я осмелилась сбежать.

Глория посмотрела на меня удивленно и испуганно. Она знала, что от отца не приходится ждать ничего хорошего, но такие новости ее потрясли. Фьярви сконфуженно дотронулся до лица, словно только сейчас понял, что ему лучше было бы помолчать.

– Мамочка, а папа хотел меня убить? – спросила она, и ее голос задрожал: Глория всеми силами старалась сдержать слезы. Я хотела было ответить, но Фьярви среагировал быстрее: он присел на корточки, заглянул Глории в лицо и твердо ответил:

– Нет, ни в коем случае. Он хотел тебя напугать, да. Возможно, ты заболела бы. Но ты бы не умерла, Глория, это точно.

Глория шмыгнула носом, и я подумала, что у моей девочки был слишком длинный день. Сначала мальчишки отрезали ей косу, потом она купила шкатулку с проклятием, и в итоге выяснилось, что это послание от отца. Мне сделалось больно. Нестерпимо.

– Правда? – спросила Глория, с надеждой глядя в лицо гнома.

– Правда, – спокойно ответил Фьярви и вдруг провел неожиданный и быстрый бросок в сторону девочки, молниеносным движением подхватив ее и усадив на плечи. Я и сама не поняла, как это у него получилось, но Глория взвизгнула от восторга и вцепилась в его косы.

– А раз правда, то идем кататься, – улыбнулся Фьярви. Глория хохотала, сидя на его шее, и я вдруг подумала, что давно не слышала, чтобы она смеялась вот так – беззаботно, легко, по-детски.

– Мамочка, я еду!

– Осторожно! – воскликнула я. Эленвер никогда не катал Глорию на шее: он считал все это забавами непромытых простолюдинов.

– Не бойтесь, Азора, я ее не уроню, – заверил меня Фьярви, и так мы вошли в ворота Келлеманского парка.

Конечно, на нас глазели. Гном везет на шее маленькую эльфийку – такое не каждый день увидишь. Но никто не сказал ни слова: должно быть, Фьярви Эрикссон был не из тех, кто позволит говорить о себе гадости. У ограды, за которой сладко спало полосатое животное, чем-то похожее на плохо подстриженную собаку, гном опустил Глорию на землю, и она ахнула и сказала:

– Ой, мамочка! Это берантонский тигр!

Тигр лениво махнул хвостом. Какое-то время мы вежливо рассматривали его, а потом Фьярви заметил:

– Глория, а вон там дают погладить кроликов.

Девочка с осторожным восторгом подошла к смотрителю: тот протянул ей крольчонка, который помещался у него на ладони. Глория посмотрела на зверька и спросила:

– Мам, а можно я не буду его гладить? Ему, наверно, неприятно, что все гладят его целый день. А вдруг он не хочет?

Возможно, мне показалось, но смотритель посмотрел на Глорию с уважением.

Мы с ней были такими же зверьками, когда я жила в доме мужа. С нами делали то, что считали нужным – и неважно, хотели мы этого или нет.

И мне стало стыдно за то, что ей пришлось узнать и понять это.

Фьярви

Мы посмотрели павлина, каких-то облезлых волков и пушистую красавицу-лису в рыжей шубе, на этом выставка животных и закончилась. Я шел рядом с Азорой и Глорией, девочка что-то говорила о зверях, и я вдруг почувствовал себя по-настоящему нормальным.

Я будто бы все это время был не на своем месте – и вот вернулся туда, где и должен был быть.

Потом мы сели за один из столиков открытого кафе под бело-голубым полосатым зонтиком, я заказал мороженое и кофе, и Азора сказала словно бы невзначай:

– Уже вечер, Фьярви. Должно быть, ваша семья вас ждет.

Я улыбнулся, надеясь, что эта улыбка не выглядит слишком натянутой.

– У меня нет семьи, – ответил я, и в груди ничего не царапнулось. А раньше все было иначе. Раньше я тяжело переживал каждый день в одиночестве – но вот смирился, привык и успокоился.

– Я не буду слишком грубой, если спрошу «Почему»?

Это и в самом деле удивительно. Гномы – народ семейный. У нас много детей, у нас большие кланы, потому что в одиночку под землей не выжить. Одно нападение Синих змей Хоссы – и тебе конец, если никто не поднимет топора рядом с тобой. Да и дом ты не построишь без помощников...

– Я когда-то сватался к Анни Густавсдоттир, – ответил я и уточнил: – Много лет назад. Но ее отец сказал, что такой нищедрыга как я должен сидеть в углу да помалкивать. Тогда я принял это очень близко к сердцу и взялся доказывать, что я не нищедрыга. Ну и как-то увлекся и решил, что семейная жизнь пока не для меня...

Я не разрывал скалы в поисках самоцветов, не возводил подземных городов и не шел охотиться. А управлять гостиницей можно и в одиночку. Я повторял это так часто, что почти поверил.

– А вы ее любили, эту Анни Густавсдоттир? – с искренним любопытством спросила Глория. Я улыбнулся, пожал плечами.

– О да! Это была моя первая юношеская любовь. Девяносто пять лет назад.

Целая человеческая жизнь – и лишь эпизод в жизни гнома или эльфа.

– На самом деле вы не забыли ее, – заметила Глория. – Это как в книгах!

Я сомневался, что Азора позволяет Глории читать любовные романчики. Почему-то мне сделалось не по себе.

– Ах вы паразиты зеленые! – услышал я рев с улицы и невольно вздохнул с облегчением. Разговор выворачивал в то русло, где я никогда не чувствовал себя уверенно.

Мы вытянули шеи и увидели Нара и Очира: госпожа Марта, величавая старуха, которая не пропускала ни одного модного журнала и ни одной новой коллекции одежды, вела их по улице за уши. Пацаны пищали, пытаясь освободиться, но госпожа Марта была не из тех, кто упускает свою добычу.

– Что случилось, госпожа Марта? – спросил я. Она увидела меня, узнала и решительно свернула к воротам парка. Мальчишки пробовали тормозить, но госпожа Марта приподняла их и встряхнула так, что клычья клацнули. Кто-то из гуляющих рассмеялся, но все остальные наблюдали так, словно хотели сказать: так вам и надо!

– Вот, извольте! – госпожа Марта сгрузила мальчишек рядом со мной. – Они ведь ваши воспитанники? Значит, я и вас могу отчитать за их поведение!

Да, это правда: я был кумом Дархана и ни разу не пожалел об этом. Нар и Очир сразу же прижались ко мне в поисках защиты, но я видел, что зеленые пальцы потихоньку тянутся к моей вазочке с мороженым.

– Я сейчас сидела на площади с госпожой Огдой и ее племянницей, – сказала старуха. – Мы слушали оркестр, говорили о старых временах... и вот я слышу краем уха какое-то пошелкивание снизу!

Азора едва заметно улыбнулась: кажется, она уже поняла, в чем дело. Глория отвернулась, всем своим видом показывая, что она этим мальчикам не друг. Я стукнул Нара по пальцам, которые почти залезли в вазочку, и спросил:

– И что же это было?

– Ножницы! – воскликнула госпожа Марта. – Эти мерзавцы вырезали из моего подола несколько цветков!

Ее платье действительно было усеяно пышными розами – наверно, мальчишки решили, что от старухи не убудет, если они позаимствуют парочку. Я с трудом подавил смех и вспомнил,

как когда-то сам изрезал платье матери: мне хотелось, чтобы у него был волнистый подол, как у одеяния принцессы, и я не заметил, как добрался с ножницами до пояса.

Фасон получился очень модным, я бы даже сказал, смелым, но мать его не оценила. Отец выразил свое мнение ремнем.

– Я отведу их к отцу, госпожа Марта, – пообещал я. – Они будут наказаны. Сами понимаете, мальчишки-орки, которые растут без материнского пригляда и внимания...

– Понимаю, – старуха гордо вскинула голову. – Из них уже получились бандиты. А вырастут каторжники.

Она величаво развернулась и направилась в сторону ворот: когда госпожа Марта скрылась из виду, я вдруг понял, что Азора смеется – искренне, светло, от души. Мне показалось, будто бы над нами прошел быстрый легкий дождик, и радуга развернула крылья, такой это был смех.

– И зачем вы это сделали? – спросил я суровее, чем собирался. Нар шмыгнул носом и ответил:

– Мы хотели сделать открытку с цветами для Глории. Вы же с папой говорили, что мы не умеем, а мы умеем, но не хотим, а теперь хотим...

– Вон сколько у бабушки цветов на платье, – жалобно заметил Очир. – Что ей, жалко? А мы хотели извиниться.

– Это ты ножницами шелкал! – обиделся Нар. – Я говорил, что надо тише! Она бы и не заметила!

– Она заметила, когда ты пукнул!

Глория снисходительно улыбнулась, но было ясно, что поступок ребят ей приятен. Похоже, она сейчас простила им срезанную косу.

– Пожалуй, из вас еще могут вырасти джентльмены, – вдруг сказала Азора. – Вы не безнадёжны. Возможно, вами стоит заняться.

– Уж поверьте моему опыту, – произнес я, – это будут те еще бандиты. А если вы ими займетесь, то они будут бесчинствовать, говоря «спасибо» и «пожалуйста».

Мальчишки совсем сникли – но я знал, что это проказливое выражение на их лицах исчезнет сразу же, как только они затеют очередную каверзу.

– Господа? – окликнули нас откуда-то справа. – Позвольте к вам присоединиться?

Глава 4

Азора

Гранд-майор Сардан сейчас был одет в парадную форму с орденскими плашками и выглядел торжественно и строго. Официант сразу же принес дополнительный стул, и я почему-то подумала, что этот высокий щеголеватый орк пришел с неприятными новостями.

– Что-то случилось? – спросил Фьярви. Сардан покосился на испуганно замерших детей и ответил:

– К нашему полковнику пришла информация по дипломатической почте, и он рассказал мне, потому что мы вчера отметили эльфов, защищая вашу честь. Ваш бывший супруг, госпожа Азора, вновь вступил в брак в Благословенном краю.

Некоторое время все мы молчали, и я думала лишь об одном: у Глории был очень долгий и трудный день, который никак не хотел заканчиваться. Вот и еще новость из его глубоких карманов.

Мне было все равно. Эленвер мог жениться, мог разводиться, мог биться головой о стену – лишь бы не тянул руки к нам. Но Глория... сейчас она выглядела маленькой и удивленной.

– Мам, – негромко спросила она. – То есть, он не будет больше искать нас?

– Он не слишком искал, – ответила я. – Но думаю, что нет, не будет.

Фьярви вздохнул, передал мальчишкам свою вазочку с мороженым и произнес:

– Я только одно не могу понять. Если у него новая семья и все такое, то зачем он подsunул своей дочери шкатулку с проклятием?

Сардан вопросительно поднял левую бровь – это придало ему в некоторой степени забавный вид.

– Я слышал, что в «Вилке и единороге» был взрыв, – сказал он, – но не думал, что это подарок от эльфийского принца. Госпожа Азора, если потребуется, то мы предоставим вам и кров, и защиту. За такие-то баклажаны, которыми вы нас потчевали, это самая малость! – он сделал паузу и добавил: – Вас решили прибрать, это точно. Вас обеих. Чтобы беглянки не позорили владыческую честь.

Я улыбнулась, но улыбка вышла грустной. Когда магия в первый раз проявилась в Глории, в этом, как водится, обвинили меня. Но, несмотря на наш побег, Глория все равно оставалась законной дочерью эльфийского принца и, возможно, наследницей короны своего отца в Благословенном краю. Какой бы она ни была – ведьмой, порченной, проклятой – она принцесса.

И Эленверу это не нравилось. Возможно, его новый брак был успешным и выгодным – и то, что первая дочь Эленвера владела магией, могло как-то помешать ему.

И он решил убрать ее. Стряхнуть крошку со скатерти.

– Благодарю вас, гранд-майор, – ответила я, стараясь говорить спокойно. – Если Эленвер... в общем, возможно, нам понадобится ваша помощь. Владыческая честь тут не при чем. Эленвер боится, что однажды его дочь может вернуться в Благословенный край... а как законная принцесса, она имеет право на его корону.

Да что тут может помочь – только очередной побег. Уехать из Келлемана, устроиться где-то еще, отказаться от надежды на спокойную жизнь и хорошую школу для Глории... Я почувствовала, как та пустота, которая все это время гнездилась во мне, разрослась и окрепла.

Глория молчала – смотрела в стол, и капли слез падали на скатерть. Я обняла ее, дочка всхлипнула и, должно быть, вспомнила, как говорила ее бабушка: благородные девицы не проливают слезы.

– Нет-нет, мамочка, это ничего... я не плачу.

– Не реви, – тихонько сказал Очир. – Хочешь, мы тебе красных луковиц сейчас нароем? Они сладкие-пресладкие, я бы тысячу таких съел!

Глория отрицательно качнула головой. Фьярви нахмурился, словно обдумывал что-то неожиданное и очень важное, а затем решительно поднялся из-за стола и спросил:

– Гранд-майор, вы можете присмотреть за бандитами пару минут? Я должен кое-что сказать госпоже Азоре.

– Сколько угодно, – согласился Сардан и вдруг рыкнул: – Стройся! Рты закрыли, головы направо!

Мальчики спрыгнули со стульев и вытянулись по струнке.

Мы с Фьярви отошли под деревья, и я невольно заметила, что гном взволнован так, словно случилось что-то очень важное. Что-то, что заставляло его дрожать.

– Азора, – негромко произнес он. – Вы выйдете за меня замуж?

Какое-то время мы смотрели друг на друга, и я никак не могла понять, что он сказал. Вернее, я понимала, но...

– То есть, как... замуж? – спросила я, надеясь, что у меня сейчас не слишком глупый вид. Фьярви вдруг сделался похожим на воина, который стоит с боевым топором в руках на последнем рубеже – он был настолько напряжен и взволнован, что мне показалось, будто над его головой искрятся молнии.

– Вот что пришло мне в голову. Если вы будете Азора Эрикссон, а ваша дочь – Глория Фьярвисдоттир, – медленно и отчетливо проговорил Фьярви, глядя мне в глаза, – то ваш бывший муж оставит вас в покое. Я удочерю Глорию, и тогда она уже не будет иметь никакого

веса. Ни в чем. Дочь гнома никогда не сможет претендовать на корону в Благословенном краю, Эленвер может не беспокоиться на ее счет.

Я смотрела на него, не зная, что ответить. Брак с гномом – это немыслимый позор для любого эльфа и такое же немыслимое, недостижимое счастье для любого гнома, но я, кажется, уже достаточно осрамила свою семью побегом из Благословенного края и могу не думать о чужом позоре. Фьярви был прав: его идея, конечно, была безумной, но если он удочерит Глорию, то тогда Эленвер действительно забудет о том, что она есть на свете. Просто выбросит из головы и будет жить дальше.

«Я спасу свою дочь», – подумала я и поняла, что молчу уже слишком долго. Как-то вдруг стало ясно, что уже сумерки, что среди деревьев зажглись фонари, а гуляющих на дорожках прибавилось. Я спасу свою дочь – а чем еще я занималась все это время?

– Я не посягаю ни на ваши чувства, ни на ваше... – похоже, Фьярви по-другому истолковал мое молчание. – Мы просто будем жить все вместе, как друзья. Великие Боги, Азора, ну дайте мне спасти вас обеих!

– Фьярви, вы... вы уверены в том, что делаете? – спросила я. Взгляд гнома сделался еще темнее.

– Уверен, – буркнул он. – Азора, я ваш друг, пусть мы знакомы всего два дня. И я хочу вам помочь – как друг.

Мне показалось, что я стою на мосту – и вдруг делаю шаг вперед, прямо в воду.

– Хорошо, – кивнула я. – Помогите.

Фьярви

Эту ночь я провел без сна. Сначала ворочался в кровати, а потом понял, что незачем мучиться, поднялся и, надев халат, спустился в гостиную и сел с трубкой возле окна.

Фьярви Эрикссон, гном-изгнанник, женится на эльфийке. И не простой, а целой княжне! Страшно подумать, насколько высоко это меня поднимет. В какой-то момент я даже захотел сесть за стол и написать письмо отцу – весь мой бывший клан, прочитав его, умер бы от зависти.

Но я вспомнил, как отец выкидывал меня из дому, и подумал, что ничем хорошим это не кончилось бы. Мы бы не помирились, нет. Наоборот: весь клан отложил бы дела и принялся рассуждать о том, какую мерзость учинил изгнанник на этот раз и как заставил несчастную женщину принять свое предложение. Ведь по доброй воле Азора не пошла бы за меня замуж – значит, негодяй ее вынудил насилием и шантажом. С отца стало бы и приехать, и наговорить этих гадостей Азоре – ну, чтобы знала, за кого она выходит замуж, и не испытывала иллюзий.

Нет уж. Я тихо живу в Келлемане, где, кроме меня, больше ни одного гнома, мой бывший клан строит подземный город на востоке, вызывая недовольство у людей, так пусть все остается по-прежнему.

Завтра у меня будет жена. Пусть ненастоящая, пусть понарошку, как говорят дети, но будет. Жена, ребенок, семья – все, как полагается гному. Я даже подумал, что, может быть, однажды мы с Азорой сблизимся настолько, что наша семья будет настоящей...

Но нет, лучше о таком не думать и не дергать себе нервы лишний раз, когда надо подумать о насущных вещах. Я окинул мысленным взглядом свой дом: двухэтажный, со всеми удобствами, не новый, но вполне достойный. Служанка делала ежедневную уборку, так что можно было не волноваться, что эльфийская княжна войдет в хлев. В одной из комнат второго этажа можно было устроить Глорию, она выходит окнами на юго-запад, в сад, в ней достаточно места, чтобы поставить книжный шкаф и большой ларь для игрушек, и девочке там понравится. А Азора могла бы жить в соседней комнате со мной... стоп.

Так дело не пойдет. У меня хорошая служанка, но болтливая. О том, что мы с Азорой живем по отдельности, сразу же узнает весь Келлеман, и рано или поздно до ее бывшего мужа

дойдет новость о том, что наш брак – это фикция. Ладно, уступлю Азоре кровать, а сам лягу на диване, благо рост позволяет разместиться там со всеми удобствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.